

Марина ОСИПЕНКО

*Соловки,
Архангельская область*

ХРАНИТЕЛИ ВЕРЫ

Братия Соловецкого монастыря после Октябрьского переворота 1917 г.

По мере того как открывается в исторических документах «тайна беззакония», совершенного советской властью в отношении людей, исповедовавших христианскую веру, появляется все больше свидетельств о том, что многие насельники Соловецкой обители испили чашу Христову до конца и ныне принадлежат к Церкви Торжествующей.

Пока в собор новомучеников и исповедников Соловецких включены только преподобномученики архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор, и в соборе Кольских святых прославлен преподобномученик иеромонах Моисей (Кожин)¹, но очевидно, что список этот должен быть пополнен. К сожалению, сведения о братии Соловецкого монастыря 1917–1929 гг. очень скудны и рассредоточены по разным источникам, поэтому имеет смысл прежде всего проследить жизненный путь тех, кто оставался в Соловецком лагере особого назначения (СЛОНе) до 1929 г., а также тех, кто, будучи высланными с Со-

ловецкого архипелага, подвергались арестам, ссылкам и казням. На основании этих материалов можно будет ходатайствовать о прославлении тех, кто засвидетельствовал свою верность Христу мученической кончиной.

Базовые сведения о дате и месте рождения, датах пострига и рукоположения, о послушаниях, наградах, нравственных и деловых качествах монашествующих содержатся в последнем сохранившемся «Послужном списке монашествующих и послушников Соловецкого монастыря за 1915 год»². В списке значится 212 монашествующих (иеромонахов – 58, иеродиаконов – 36, монахов – 118) и 137 послушников.

Следующий по времени «Список монашествующей братии, послушников и богомольцев-трудников Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря»³ был составлен и подписан архимандритом Вениамином в 1920 г. по требованию Кемского продовольственного комитета. В списке 246 монашествующих (иеромонахов – 58, иеродиаконов – 26, монахов – 159), 153 послушника и 172 богомольца-трудника – всего 571 имя –

это самый полный список насельников Соловецкого монастыря после Октябрьского переворота 1917 г. К сожалению, в нем указаны только имена монашествующих или имя и фамилия послушников и трудников, а другие сведения отсутствуют.

Имена насельников, оставшихся на Соловецком архипелаге до 1929 г., известны из списка монашествующей братии Соловецкого монастыря, составленного 30 июля 1929 года иеромонахом Мартином в память 500-летия прихода на Соловки первых иноков Савватия и Германа. Список был опубликован в 2005 г. в сборнике Соловецкого государственного музея-заповедника⁴. Список включает 58 человек. Возглавлял братию архимандрит Феофан, в числе братии было 3 игумена, 13 иеромонахов, 8 иеродиаконов, 32 монаха и один рясофорный послушник. Напротив каждого имени указан возраст монаха, дата прибытия в монастырь, дата пострижения в монашество или рукоположения в священник сан. Видно, что рукоположения и постриги совершались в лагерное время вплоть до 1929 г. Список вывез с Соловков епископ Вятский Нектарий (Трезвинский).

Сопоставляя упоминаемые в лагерных документах и воспоминаниях заключенных имена братии с данными этих трех списков и привлекая сведения из книг памяти Московской, Ленинградской и Архангельской епархий, удалось восстановить биографии многих насельников Соловецкого монастыря.

Первая гроза

В начале 1917 года в братии Соловецкого монастыря числилось 219 монашествующих (из них 52 живущих «на покое») и 109 послушников⁵. Революционные настроения, дух недовольства и разобщенности уже проникли за монастырскую ограду.

С 1913 года часть братии была вовлечена в смуту против настоятеля архимандрита Иоанникия. Возмущение было вызвано властным характером настоятеля, который старался поддерживать соответствующий монастырскому уставу порядок во вверенной ему обители.

Архимандрит Иоанникий прилагал к делу благоустройства монастыря, в котором он прожил почти 50 лет, все свои силы, опыт и энергию. Он всегда наставлял братию ссылками на Священное писание, подчёркивая, что его решения и указания имеют основанием волю Божию, поэтому, когда кто-то пытался тормозить его решения, пересуживать или критиковать их так, что дальнейшему делу грозила задержка или пагуба, он считал вполне законным проявлять настоятельную власть во всей полноте.

При архимандрите Иоанникии был устроен скит

на Кондострове с храмом в память святителя Николая, вмещающим до 500 молящихся, создана система судоходных каналов между 12 озерами, причем по каналам проходили не только лодки, но даже маленькие паровые катера. В 1910–1912 годах с южной стороны монастыря была построена единственная в России монастырская гидроэлектростанция мощностью 40 кВт, в 1914–1916 годах – построены радиотелеграфная станция, обеспечившая связь с материком, келейный корпус на острове Большая Муксалма. Усилиями архимандрита Иоанникия 4-классное монастырское училище было выведено на уровень семинарии добавлением еще 4-х богословских классов⁶. Все эти дела были представлены недоброжелателями как личные и ненужные. Никаких серьезных альтернатив жалобы не предлагали, они отстаивали только личные интересы, надеясь несколько улучшить свои бытовые условия.

В качестве примера приведем содержание последней жалобы в Святейший Синод, подписанной иеромонахами Аверкием, Викторином и монахом Викентием 23 июня 1917 года, в которой они предлагали:

- «1. Продать кобыл и купить коров, чтобы каждому для трапезы получать молоко по бутылке в неделю.
2. Продать сепаратор.
3. Остановить на время покоса электростанцию.
4. Уничтожить навсегда курятник.
5. Уравнять братию жалованием.
6. Увеличить число членов Собора тремя, которые должны образовать братский комитет».

Жалобщики предупреждали: «В случае отказа не можем приступить к работе покоса и вынуждены послать депутацию в Петроград»⁷. Депутация в составе трех авторов этого письма была отправлена. Боясь огласки смуты в столичной печати, 4 августа 1917 года Святейший Синод принял решение уволить архимандрита Иоанникия на покой по старости (67 лет) с правом пожизненно пользоваться помещением для проживания в монастыре и ежегодно получать пенсию из средств монастыря в размере 2000 рублей.

Настоятель, находившийся в это время в течение месяца в Ново-Иерусалимском монастыре и готовившийся к участию во Всероссийском Церковном Соборе как выборный член от монашествующих, узнав об этом решении из газет. «Он только перекрестился и сказал: «Слава Богу за все, – и, немного погодя, тяжело вздохнув, со слезами на глазах тихо закончил, – мне своих дел не стыдно»⁸.

Встал вопрос об избрании нового настоятеля. Многие искренне чаяли прекращения смуты и раздоров в монастыре. Насельники монастыря обра-

тились к своему бывшему духовнику архимандриту Вениамину. Его подвижническая жизнь и духовный авторитет были так высоко оценены братией, что в декабре 1909 года, когда отошел ко Господу духовник обители старец иеромонах Дамаскин, то на общем собрании старшей братии сорокалетний иеромонах Вениамин был избран духовником монастыря. За него было подано 60 голосов из 80, несмотря на то что он был рукоположен в сан иеромонаха всего лишь полтора года назад. На момент избрания отец иеромонах Вениамин, помимо исполнения чреды богослужения, нес послушание приставника при Святых мощах Преподобных Зосимы и Савватия и состоял законоучителем в III и IV классах братского училища. В послужном списке 1909 года настоятель архимандрит Иоанний дал о нем следующий отзыв: «Кроткий, смиренный и благоговейный инок, весь исполнен страха Божия»⁹. Из характеристики послужного списка 1910 года видно, что новый духовник оправдал доверие братии: «Отличных нравственных качеств и способностей, благоговейный инок, жизни строгий, внимательный, ревностно исполняет свои высокие обязанности»¹⁰.

Святейший Синод также высоко оценил духовные дарования и организаторские способности иеромонаха Вениамина, назначив его в 1912 году на должность настоятеля Антониево-Сийского монастыря с возведением в сан архимандрита, что и было исполнено преосвященным Нафанаилом, епископом Архангельским. Архимандрит Вениамин управлял Антониевым Сийским монастырем пять лет (до августа 1917 г.). За это время он был награжден наперсным крестом от Святейшего Синода (в 1913 г.) и орденом Святой Анны (в 1916 г.).

1 сентября 1917 года на Соловках состоялись официальные выборы настоятеля в присутствии члена Святейшего Синода Преосвященного Иосифа (Петровых), епископа Угличского. Преосвященный Иосиф совершил Божественную Литургию, затем молебен Соловецким Святым, после чего собор старшей братии большинством голосов избрал архимандрита Вениамина настоятелем (70 голосов из 80).

На его плечи легло тяжкое бремя настоятельства во время, когда в России шла Гражданская война. Северный край получил краткую передышку, пока Белая армия удерживала фронт. Но даже ввиду этих грядущих бедствий братия не склонилась к единству. В Соловецком лавсаике – рассказах о соловецких боголюбцах, подвизавшихся в 1917–1923 годах, – архимандрит Вениамин с горечью писал: «Тяжело жилось монахам в эти смутные годы. Братия разделилась на два лагеря и враждовали между собою, не

было покоя в их душах и менее всего были заняты они думами о своем душевном спасении»¹¹.

В жизнеописании монаха Гурия, сподобившегося за свою простоту и чистоту веры нескольких видений, так передается духовная атмосфера в монастыре в конце 1917 года: «Вначале приходил к нему в сонном видении Преподобный Зосима, один, с крестом в руке, и просил передать братии, чтобы они прекратили смуту и нестроения, ибо небесные ходатаи за святую обитель сильно скорбят о ней, так как гнев Божий невидимо надвигается на нее. Вскоре после сего, ввиду непрекращающегося раздора, явилась Сама Царица Небесная своему усердному служке и приказала передать настоятелю с братиею, что если они не прекратят между собою вражды и несогласия, если они не начнут исправляться в своей монашеской жизни, то Божие наказание постигнет монастырь и братию». Но начальствующие и прочие насельники обители остались глухи к его рассказу, а самого отца Гурия посчитали пребывающим в прелести и не обратили внимания на грозное предупреждение.

Вскоре после сего над монастырем прошла первая гроза. От неизвестной причины в ночь на 7 декабря 1917 года сгорел бучильный корпус. Огонь перекинулся на прачечную, в сторону бани, и угрожал мельнице и всему монастырскому кварталу с Головленковской башней. Несмотря на свирепствовавший ветер, грозивший уничтожить весь монастырь, после совершения молебна и обнесения местных святых вокруг пламени огонь затих и ветер переменялся. В ближайшие годы, кроме бучильного корпуса, все быстро восстановили и отремонтировали.

Так прошло приблизительно около двух лет. Противники бывшего настоятеля о. Иоанникия продолжали враждовать с новым настоятелем. От отца Вениамина требовали невозможных условий видимого примирения. «Отец Вениамин после постигшего обитель пожара неоднократно высказывал братии, что сие несчастье Бог попустил на обитель за тяжкие братские грехи и смуту против прежнего настоятеля, причем как бы пророчески предрекая и о себе: «Все ли мы хороши сами? Отца Иоанникия не считали ли первым человеком, и его же загрязнили и заплели, и заушали. Ныне я кажусь многим из братии хорошим, но боюсь, что придет, и скоро, время, когда и я буду казаться тоже худым и ненужным, и против меня также начнут вести козни и смуты». Говоря сие, отец Вениамин усердно призывал всех к миру, любви, примирению и забвению всего прошлого и скорбного. «Отныне никаких обвинений против о. Иоанникия я принимать не буду», – твердо сказал отец

Вениамин»¹². Многие покаялись в несправедливом гонении на прежнего настоятеля, ведь по его ходатайству они поступали в обитель, почти всех их он постриг в монахи, а затем представил к священным степеням. И они, дети, подобно Хаму, восстали на своего родителя... Однако нашлись непримиримые бунтовщики, которые требовали замены всех монастырских должностных лиц своими сторонниками. Архимандрит Вениамин твердо отказался исполнять их незаконные требования и по возможности продолжал хозяйственные дела, начатые при архимандрите Иоанникии, чем, конечно, вызвал недовольство, которое особенно проявилось, когда Соловецкий архипелаг оказался под контролем советской власти.

Соловки и революция

Большевики пришли к власти в Кеми спустя два месяца после Октябрьского переворота. Согласно полученному от Архангельского губисполкома распоряжению весной 1918 г. в Соловецкий монастырь был отправлен ледокол «Микула Селянинович» с комиссией, которая должна была реквизировать «в пользу голодающих» продовольственные запасы. В состав комиссии входил кемский большевик Вячеслав Николаевич Степанов, по воспоминаниям которого об этих событиях была написана заметка «Соловки и революция», опубликованная в газете «Новые Соловки».

Он описывает события следующим образом: «Комиссия прибыла в Соловки с отрядом Красной гвардии. О приезде комиссии монахи были предупреждены и отнеслись к ней враждебно, но сдержанно. Комиссия и отряды заняли нынешнее помещение женкорпуса»¹³.

Явившись в покои настоятеля (нынешняя коммандатура 1-го отделения), комиссия была встречена двумя архимандритами, Вениамином и Иоанникием, с секретарем иеромонахом Досифеем, которым она предъявила требование на осмотр всех запасов продовольствия, всех кладовых и амбаров. Архимандрит Иоанникий потребовал от комиссии предъявить «мандаты».

Члены комиссии от удивления рассмеялись, когда из уст архимандрита услышали слово «мандат», но удовлетворили любопытство монахов.

Посмотрев мандаты, архимандрит Иоанникий заявил, что книги записей продовольствия отосланы в Синод, а допустить осматривать склады без «духовного собора» он не может.

Комиссии стало ясно, что монахи хитрят, не желая показать приходо-расходные книги, и поэто-

му она категорически приказала к утру следующего дня сдать книги и приготовиться к сдаче. Монахи согласились.

Всю ночь «отцы» переписывали книги, чтобы показать только минимальное количество, а остальное скрыть. Однако укрывательство не удалось. Комиссия уличила в тайной работе монастырского секретаря иеромонаха Досифея и прекратила ее, забрав настоящие книги, по которым и проверила записи продовольствия.

Запасы оказались громадные.

Капитал монастыря принесил 25000 рублей, одних лишь процентов, а прочие доходы были свыше 200000 руб. В потаенных комнатах Преображенского собора было найдено большое количество оружия и снаряжения. В «доме молитвы» за иконостасом укрывались обнаруженные комиссией 8 трехдюймовых орудий, 6 пулеметов, 600 винтовок, берданок, большое количество пороха и снарядов. Все это было припасено для борьбы с большевиками. Всего было обнаружено так много, что пришлось опасаться отправлять отобранное на плохом пароходе, каким являлся «Микула Селянинович», старый и дырявый.

Снеслись с Архангельском, и решено было ждать нового парохода. В этот промежуток времени началась английская интервенция, и Кемь, раздираемая с одной стороны нападающими белофиннами, а с другой – бандитами генерала Миллера и английским флотом, – пала.

Жемчужная река Кемь с ее сердитыми порогами оросилась кровью трудящихся. По распоряжению соловецкого монаха Досифея был арестован т. Степанов с комиссией и выдан английскому командованию»¹⁴.

Интересно, что в 1925 году В. Н. Степанов в заметке «Октябрьский переворот в Кеми» о своем аресте на Соловках предпочел не упоминать. Он писал, что ледокол «Микула Селянинович» получил пробоину, не доходя до Секирной горы, поэтому «комиссия не могла выполнить полностью возложенных на нее поручений. Пришлось ограничиться выяснением наличия в монастыре продовольствия и оружия»¹⁵.

Эти события происходили в конце апреля 1918 года. 28 апреля 1918 года в архангельской газете была опубликована заметка следующего содержания: «Делегация духовных лиц и мирян под руководством смотрителя Соловецкого подворья иеромонаха Серафима обратилась к председателю губисполкома, обеспокоенная высадкой отряда красногвардейцев в Соловецком монастыре. Делегации объяснили, что... исполком считает своим делом охранять, а если потребуется, обезопасить все ценности, имеющиеся на Соловках»¹⁶.

В начале июня Соловецкий архипелаг был занят английскими войсками. В заметке «Переворот и белые на Севере» А. Дмитриев пишет: «Пароход «Север» из Архангельска вышел 6 июня и 7-го прибыл в Соловки... Проснувшись, вижу: английская канонерка и одна подводная лодка ведут нас в Соловки... Схватив все свои служебные документы вплоть до партийного билета, забежал в кочегарку и бросил в топку парохода. Минут через 10 мы остановились в Соловках. К нам выехала еще моторная лодка; в ней сидело несколько английских моряков, английский офицер и много переводчиков. Стали обыскивать пароход и, отобрав у всех нас оружие, под арестом повезли в Кемь»¹⁷.

Английская интервенция

Английское присутствие на Соловках продолжалось с июня 1918 года до осени 1919-го. Английские войска дислоцировались на Соловецких островах, проводили военные маневры, использовали монастырский флот для нападения на г. Онегу. Естественно, Соловецкая обитель поддерживала английские войска и Белую армию как защитников православной веры от большевиков. Пользуясь декретом «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», органы советской власти без зазрения совести присваивали монастырскую собственность. Например, 17 июня 1918 года Коллегия по национализации торгового флота объявила «общенациональной неделимой собственностью Российской Федеративной Советской Республики принадлежащие Соловецкому монастырю пароходы «Соловецкий» и «Михаил Архангел» и передала их в ведение Беломорского областного управления»¹⁸. Однако фактически отобрать пароходы не успели, и они оставались в пользовании монастыря.

Известно, что 31 июля 1918 года пароход «Михаил Архангел», обычно курсировавший по линии Соловецкий остров – Онега, подошел к пристани г. Онеги. На палубе были видны фигуры монашествующих, поэтому никто особого внимания на появление парохода не обратил. Неожиданно вооруженный десант англо-французских солдат быстро высадился на берег, развернулся в боевой порядок и начал наступление на город. Таким образом, г. Онега на некоторое время был избавлен от влияния советской власти.

После первой же встречи лицом к лицу с представителями советской власти стало очевидно, что в случае победы большевиков Соловецкий монастырь будет закрыт, а насельники изгнаны. Настроение было апокалиптическое, поэтому ввиду неустойчивос-

ти военно-политической обстановки было принято решение в 20-х числах июня 1918 года, пока есть возможность, постричь в монашество тех послушников, которые желали встретить последние времена, будучи воинами Христовыми, и были к этому готовы.

К сожалению, нельзя точно проследить, как менялся состав монашествующих в 20-е годы, так как в списке 1920 г., подписанном архимандритом Вениамином, не указаны даты рукоположений и постригов. Сведения о рукоположениях в 1915–1920 гг. содержатся только в списке 1929 г. В нем указано, что 15 августа 1917 года был рукоположен в сан иеромонаха иеродиакон Игнатий и, по-видимому, тогда же были рукоположены иеродиаконы Досифей, Иоасаф и Климент в сан иеромонахов, а монахи Симон и Сосипатр – в иеродиаконы. Рукоположения были, вероятно, совершены преосвященным Иосифом (Петровых), епископом Угличским, прибывшим в Соловецкий монастырь для наблюдения за выборами архимандрита Вениамина.

Что касается постригов 1918 г., из списка 1929 г. видно, что 21 июня был пострижен монах Мелитон, 22 июня – монахи Стефан, Авдий и Михайл, 24 июня – монах Амфиан, 25 июня – монахи Паисий, Никита, Вукол, Мелхиседек, Трифиллий, 26 июня – монах Герман, 12 октября пострижен монах Евдоким. Судя по тому, что в списке 1920 г. имена монахов упорядочены по времени пострижения (согласно традиции послужных списков), могло быть пострижено до 66 человек.

В 1918–1919 гг., когда на территории Архангельской губернии еще действовало правительство Северной области, видимая сторона монастырской жизни на Соловках почти не изменилась. Продолжались работы по строительству каналов под руководством монахов Иринарха и Авенира. Упомянется также, что архимандрит Иоанникий приобрел для монастыря участок земли Малая Велракша¹⁹, надеясь дальше развивать монастырское хозяйство.

В 1919 г. в монастырь даже добирались паломники. Один из них писал: «Приветливы лица монашествующих, радушие и гостеприимство их говорят о мирной тихой работе во имя Творца и любви к ближнему и заставляют хоть на время забыть весь гнетущий ужас классовой борьбы, где люди, забыв совесть и правду, готовы перегрызть друг друга глотки. Ведь перед нами многовековая коммуна, но какая колоссальная разница между ее работой и работой коммуны той, зафронтонной. Здесь терпеливая созидательная, культурная работа на голом камне, там – полное разрушение всего прежде созданного в кратчайший срок... Стоя много веков на страже государственных и народных интересов, монастырю придется бу-

дять уснувшую совесть русского человека, так как оружием еще не завершится победа над психической заразой, посетившей страну...»²⁰

Обращение к христианам Англии

В августе 1919 года стало известно о предполагаемом выводе английских войск с Севера России. Иеромонах Досифей собирал «подписи под петицией правительства Чайковского к Англии и Франции о том, чтобы союзники не покидали Архангельск и Северную область.

С этой петицией в Соловки прибыла из Архангельска делегация во главе с протоиереем кафедрального собора и, собрав подписи под петицией и подписав состав архимандритом Вениамином, выехала в Лондон»²¹.

11 августа 1919 года по предложению протоиерея о. И. Лелюхина учрежденный собор Соловецкой обители обратился к христианам Англии с телеграммой следующего содержания:

Обращение к христианам Англии.

«Его Высокопреосвященству митрополиту Англии, архиепископу Кентерберийскому.

Ваше Преосвященство!

Славнейшая из всех обителей православной России, монастырь Соловецкий, в одну из тяжелых минут собственного существования и жизни Северной области в лице Вашего обращается к христианам Англии с просьбою, предварительно посылая Вам и им братский привет любви во Христе Господе и Спасителе нашем.

Истекший год мы, христиане Северной области и насельники обители Соловецкой, прожили спокойно, благодаря Бога, пославшего нам помощь в лице союзников, главным образом англичан.

Город Архангельск и все жители Северной области искренне благодарили Английское правительство и народ, и чувство благодарности надеялись перенести с дней настоящих на будущее время истории, надеемся, великого Русского Государства.

Но вот мы узнали, будто Английское правительство отзывает свои военные силы из Архангельска и Северной области. Эта весть всех ошеломила.

Не знаем, что побудило благородный английский народ принять такое суровое для нас решение, но предчувствуем, что с уходом английских войск большевики сожгут наши жилища, прольют целые реки человеческой крови, истребят не только интеллигенцию и буржуазию, не только священников и монахов, но крестьян с рабочими, массы которых относятся к ним отрицательно и смотрят с негодованием на их преступления.

Мы уверены, что храмы наши и святыни подвергнутся кощунственному надругательству и разорению и к боли физической присоединяется при этом боль страдающего бессилием воспрепятствовать такому святотатству сердца.

Мы уверены, что церковь Христова в Англии не в состоянии будет равнодушно смотреть тогда на наши страдания. Но и теперь мы надеемся еще упросить и уговорить внимательно отнестись к надвигающейся на нас беде.

Мы знаем, что христиане Англии своевременно могут употребить доброе сочувствие к нам в дело, что они не откажутся ходатайствовать перед своим правительством и обществом о том, чтобы военные силы Англии оставались еще в Архангельске и в иных местах Северной области и тем засвидетельствовать, что по-прежнему считают нас имеющими право на эту помощь и помнят заслуги России и кровь, пролитую ею сынами в прошлом для общего блага союзных народов.

В настоящее время мы особенно нуждаемся в помощи Англии и особенно горячо взываем к ее гражданам: не бросайте нас беззащитными и одинокими.

Близится торжество победы России над ее врагами и губителями, советскими властями. Помогите нам дожить до светлых дней, не отдавайте нас на верную гибель, поднимайте свой голос на нашу защиту, скажите, что помощь Северу России будет справедлива, что выше политических соображений и изменчивых чувств должно ставить голос справедливого милосердия.

Мы уверены, что этот вопль Соловецкой обители Господь Иисус Христос поможет Вам услышать, мы думаем, что он сделает Вас снисходительным к нашим немощам и грехам и укрепить между нами братское единение и любовь.

Вашего Высокопреосвященства усердные почитатели и молитвенники Соловецкого монастыря: настоятель архимандрит Вениамин, наместник иеромонах Зосима, благочинный иеромонах Геронтий, казначей иеромонах Арсений и ризничий иеромонах Климент».

В дополнение к этой телеграмме учрежденный собор вручил протоиерею И. Лелюхину икону Соловецких Чудотворцев с просьбой благословить ею представителя Англиканской церкви архиепископа Кентерберийского.

Это обращение было поддержано правительством Северной области: «Мы слышали... что о. Лелюхин затрудняется сам поехать в Лондон и намерен просить кого-либо из депутатов от г. Архангельска выполнить поручение знаменитой Соловецкой обители, встающей сейчас на защиту Родины. В

годину междуцарствия и самозванцев Троице-Сергиева лавра сумела объединить русских людей, внушила им чувство глубокой любви к России и больше всех способствовала возрождению Русского Государства. Пожелаем, чтобы мощный порыв знаменитой Соловецкой обители увенчался полным успехом и чтобы Россия поскорее вышла на путь здоровой государственной жизни, отвечающей желаниям большинства ее граждан»²².

Однако пожелания эти не оправдались. Английские войска покинули Соловецкие острова осенью 1919 года, а 21 февраля 1920 года Красная армия взяла Архангельск, и на Севере установилась советская власть.

Совхоз «Соловки»

29 апреля 1920 года на Соловки прибыла в сопровождении отряда красноармейцев комиссия во главе с начальником Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым и председателем Архангельского губисполкома С. К. Поповым для ознакомления с состоянием хозяйства Соловецкого монастыря. Комиссия проработала на острове три дня. Было найдено в большом количестве спрятанное оружие, оставленное англичанами, значительные запасы продовольствия. По результатам «ознакомления» было сделано заключение: «монахи готовились к длительной борьбе с советской властью»²³.

1 мая впервые на Соловках состоялся митинг, посвященный Дню международной солидарности трудящихся. Перед отъездом с архипелага члены комиссии выступили перед монахами, послушниками и трудниками монастыря. Им была разъяснена политика советской власти по отношению к церкви и монастырям, декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. На митинге была произведена запись желающих выйти из монастыря и покинуть остров.

Записавшиеся были в мае вывезены с Соловецких островов. «Советская власть не будет разрушать хозяйство монастыря, она его будет всеми силами поддерживать, расширять...»²⁴, – заявил представитель хозяйственного сектора комиссии И. Морозов. Была поставлена задача приспособления бывшего монастырского хозяйства для нужд строящегося советского государства.

По возвращении комиссии в Архангельск Кемскому уездному исполнительному комитету РКП(б) было приказано организовать специальную комиссию по принятию на учет хозяйства Соловецкого монастыря.

18 мая 1920 года на собрании Кемской городс-

кой организации РКП(б) был заслушан доклад товарища Яммы «О принятии на учет хозяйства Соловецкого монастыря комиссией, выделенной президиумом Кемского исполкома». В докладе была представлена краткая справка о состоянии хозяйства монастыря и предложено «по указанию Архангельска» направить на Соловки «заведующего хозяйством и руководителя-агронома», а также «представителя от партии для контроля и для агитации среди населения Соловецких островов». Эти предложения были приняты, но также было решено «ввиду острого кризиса ответственных и хорошо подготовленных партийных работников в городской организации... в крайнем случае затребовать для этой цели работников из центра»²⁵.

Из цитированного выше документа следует, что хотя официального постановления о ликвидации Соловецкого монастыря не было принято, монастырское имущество было полностью конфисковано. Уже в мае его поделили между собой три организации: совхоз «Соловки» (Управление советского хозяйства на Соловецких островах), лагерь принудительных работ Архангельского губчека и затон для ремонта судов Белмортрана.

Поскольку большая часть монашествующих пожелала оставаться на Соловках, пусть и в качестве работников совхоза, им была оставлена для богослужений кладбищенская церковь во имя преподобного Онуфрия Великого. В остальных храмах и часовнях совершать богослужения не разрешалось. Монастырь продолжал существовать как религиозная и трудовая община, интересы которой представлял настоятель архимандрит Вениамин. Им, а также иеромонахом Досифеем и монахами Иерофеем и Пафнутием подписаны все акты, касающиеся передачи монастырского имущества в мае–июле 1920 года.

Заведующим хозяйственной частью на Соловецких островах был назначен Г. А. Алексеев. 10 июня 1920 года он докладывал: «Жителей в монастыре 566 человек²⁶. Все они заняты полевыми и домашними работами. Тунеядства нет. Работают все с большой охотой, без всяких толчков и побуждений. Это люди, которые уже закалили себя в непрестанной борьбе с природой за существование, и работа их не пугает»²⁷.

К сожалению, видя это доброжелательное отношение представителя советской власти к монашествующим, недовольные настоятелем попытались втянуть в борьбу с ним Г. А. Алексеева. 17 июня 1920 года к нему обратился иеродиакон Вячеслав с письмом следующего содержания: «Добрейший и благороднейший Герасим Алексе-

евич, мы в Вашем прибытии к нам усматриваем провидение с Выше²⁸, а также более: как показало уже начало, ваше отношение к обители снисходительное и даже очень, несмотря на наши недочеты... И мы, видя Ваше снисхождение, сознавая свои вины и опасаясь за будущее, осмеливаемся обратиться к Вам, а в лице Вашем и ко всей Советской власти, с нижайшею просьбою:

1. Оставить наше общество жить на тех началах, какие начертаны были нашими представителями и основателями: Василием Великим, Феодором Студитом, а русскими Антонием и Феодосием Киевскими и последующими до наших основателей Зосимы и Савватия, и Филиппа – борца за угнетенных. Эти лица и подобные им многие не имели в виду никаких политических целей, ни захвата власти и земли, но единственная их цель – возвышение бессмертного человеческого духа над тварностью, а потому они и к власти относились безразлично, добросовестно, без лести и лицемерия и неукоризненно. Начала эти выражаются одним словом: «общежитие».

2. Как вы уже начали проверку всего монастырского достояния, то просим по всей справедливости отличить виновных от невинных... Благодаря перевороту в России нам удалось отстранить от власти тирана Иоанникия. Но, к сожалению, в выборе нового настоятеля мы ошиблись, как видите, он уже скоро три года управляет, а ничего на пользу общества не сделал... Вениамин взял под свое покровительство всю плутию Иоанникия с его соборными из келейников, поставленных единолично Иоанникием, исключая благочинного. С ними он ведет дела, секретно от братии... Седьмой год просим суда и выпросить не можем... И если вы найдете возможным хотя бы маленькое произвести расследование, то мы можем дать вам те черновики, которые писали в разное время о фактах преступлений.

3. В скрытии монастырских продуктов просим также не обвинять всю братию, а тщательно узнать, кто виновные, и наказать по закону преступления. Конечно, главные виновники настоятель, соборные и содержатели разных частей и их доверенный иеромонах Николай... а уже принято признавать во все времена истории: какова власть, таковы и подчиненные. Так вот и у нас в монастыре вся власть перепуталась, и не можем добиться справедливости... И, воистину, это будет великое чудо, если советская власть разорвет эти узы и сможет устроить правильное общежитие»²⁹.

Конечно, поддерживать христианскую общину руководство совхоза не собиралось. Все храмы, кроме кладбищенского, были закрыты, и 1 июля на Соловках был открыт клуб Карла Маркса. Советскую

власть монахи интересовали в первую очередь как умелые и добросовестные работники. Г.А. Алексеев привлекал их к участию в субботниках по уборке сена. По его данным, 9 июля 1920 года «в Саватьеве 43 монаха работали 4 часа 9 июля; поставили сена в зароды на 200 пудов. В Муксалме 42 человека монахов и арестованных поставили 5 зародов, сена 400 пудов. В Лапушино 35 человек монахов и арестованных поставили сена 2 зарода 200 пудов»³⁰.

Советская власть и «буржуи монастыря»

3 июля 1920 г. президиум Архгубчека запретил высадку на Соловецкие острова: «Высадившийся без разрешения Архгубчека, какой бы пост он ни занимал, будет задержан комендантом Соловецких островов и направлен с протоколом и всеми документами в г. Архангельск, в распоряжение Архгубчека»³¹. Это был вынужденный шаг, продиктованный необходимостью установить контроль за изъятием монастырского имущества.

В это время заведующий хозяйством Соловецких островов Г.А. Алексеев подал в губчека заявление: «Хаотическое положение сложилось на Соловецких островах, куда съехались со всех сторон много разнообразной власти, и каждая власть контролирует, берет без разрешения то, другое и третье. Не знаешь, кому и как подчиняться. Приезжают, делают что хотят, отбирают учетные книги из всех кладовых, делают распоряжения к полной дезорганизации... Не имея более сил бороться с этим, прошу Вас немедленно освободить меня от занимаемого поста... или хотя бы продовольственного, в котором я совершенно не в курсе дела и могу нанести стране ущерб и потерять Ваше доверие»³².

Алексеева от должности освободили, назначив на место уполномоченного от губчека С. А. Абакумова. Однако бесконтрольное расхищение монастырских запасов продовольствия продолжалось, и 20 июля 1920 года архимандрит Вениамин был вынужден обратиться в Кемский продовольственный комитет со следующим письмом: «Хлебные припасы в нынешнее военное время... были тщательно хранимы внутри монастыря в разных каменных складах, заложенных кирпичом. Открытие складов было в следующем порядке:

1. Первые два склада были открыты бывшим комендантом Соловецких островов С. Абакумовым без предъявления мандата... и без участия монастырских лиц... На просьбу настоятеля к т. Абакумову дать копию с протокола о вскрытии складов был получен отказ.

2. Склады, открытые по мандату уполномочен-

ного секретно-оперативного отдела т. Рекстина 18 июня 1920 года, показанные настоятелем и по его приказанию амбарным иеродиаконом Сосипатром (впоследствии – иеромонахом)... На указанные продукты дана монастырю копия с протокола о вскрытии склада и вывозе из ограда монастыря в другую кладовую.

Все хлебные продукты и запасы мною были открыты в надежде, что Советское правительство не оставит монастырь без внимания и попечется о нем... потому что, если не достанет хлеба хотя бы на пятнадцать дней, – все мы должны будем помереть с голоду на диком суровом морском острове... Часть последних продуктов тоже вывезена из монастыря и скитов в общий деревянный амбар за монастырем, который в настоящее время находится в заведовании политического комиссара С. Абакумова. А потому, чтобы не остаться на зиму совершенно без хлеба, вследствие могущих последовать новых распоряжений о вывозе хлебных продуктов с Соловецких островов, еще раз всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет оставить годовую норму продуктов на братию монастыря и разрешить для большей сохранности и безопасности перевезти их внутрь монастыря в каменную кладовую»³³.

Конечно, это ходатайство не было принято во внимание. Представители многочисленных советских организаций старались по возможности присвоить вывозимое имущество, не заботясь о том, как будут зимовать на изолированном острове основные работники совхоза – монашествующие. Некоторые монашествующие, настроенные враждебно к настоятелю, стали пособниками новой власти, указывая скрытые запасы.

30 июля на острова прибыл новый уполномоченный губисполкома на Соловках А.В. Варганов. Чтобы иметь возможность без ограничений привлекать монашествующих к сенокосным работам и к труду на рыболовных и звериных промыслах, на Соловецких островах было объявлено военно-трудовое положение. Даже престарелые монахи не освобождались от трудовой повинности: «Есть монахи 65 или 75 лет. Они по своему телосложению и здоровью каждого из нас за пояс заткнут», – писал в докладе Архангельскому губисполкому председатель Управления Соловецкими островами А.В. Варганов.

Далее в этом же докладе он описал свои взаимоотношения с монашеской общиной: «Жители монастыря относились к нашим распоряжениям сначала презрительно-недоумевающе, но сейчас, можно сказать, как к действительной власти, особенно после того, как мной было отдано распоряжение, чтобы все управление расположилось в крепости монас-

тыря. Этим я имел в виду ближе соприкоснуться с ними в обыденной, а может быть, даже и в духовной жизни, что отчасти почти удалось. Скажу пример: нужно нам было изменить дневное их моление на ночное, т. к. днем работать нужно, а молиться они могут ночью. Позвали заседание Собора, долго обсуждался вопрос, и постановили отвергнуть наше предложение. Тогда предложили им собрать общее собрание монахов, зная, что это постановление было сделано начальством – буржуями монастыря. На общем собрании будет большинство трудящихся. Наше предположение оправдалось – труженики-монахи высказывались за наше предложение, но собор все-таки не согласился. Тогда я отдал приказ об изменении часов моления в категорической форме, Собор, видя, очевидно, настроения монахов-тружеников, на другой же день пересмотрел свое постановление и вынес новое в духе нашего предложения»³⁴.

Изъятие ценностей, «не принадлежащих к богослужению»

С 11 по 17 августа 1920 года на Соловках работала комиссия под руководством уполномоченного секретно-оперативного отдела Архгубчека С.Ф.Тетерина. 12 августа с Соловков в Архангельский губисполком была отправлена следующая телеграмма: «Сотрудниками Архгубчека по указанию некоторых монахов найдены замурованными церковные серебряные изделия: около 15 пудов, причина замурования – приказ бывшего Святейшего Синода... о сокрытии всего ценного церковного монастырского имущества... В данном случае имелся факт сокрытия имущества. Срочно сообщите, как поступить». Председатель Архгубисполкома Попов наложил на телеграмму резолюцию: «Серебро заарестовать, произвести расследование и выявить виновных в сокрытии»³⁵.

Как следует из показаний иеромонаха Климента, допрошенного 4 июля 1923 года «в качестве свидетеля по делу увезенных из ризницы б. Соловецкого монастыря вещей, имеющих историческое значение», ценности были выданы по указанию архимандрита Вениамина (возможно, на каких-то условиях). На вопросы и. о. начальника милиции на Соловецких островах Адамсона бывший ризничий Соловецкого монастыря Климент Амосов дал следующие показания: «В 1920 году 11 и 12 августа мною, по распоряжению настоятеля Соловецкого монастыря Вениамина, были предъявлены ценности Соловецкого монастыря представителям Советской власти т.т. Тетерину и Павлову. Ценности были

скрыты в двух местах: в стене – в проходе Преображенского собора и над алтарем Никольской церкви, откуда были перенесены в ризницу. Вещи, не принадлежащие к богослужению, были отобраны упомянутыми выше т.т. Тетериным и Павловым для доставления в Архгубчека. В числе отобранных ценностей были палаш и шашка, которые являлись вкладами Пожарского и Минина»³⁶.

Согласно акту от 12 августа 1920 года изъято было 59 предметов, среди них: золотые кресты, серебряные подсвечники, кубки, чаши, а также сабля князя Дмитрия Пожарского и палаш князя Михаила Скопина-Шуйского, хранящиеся ныне в Государственном историческом музее³⁷. В вышеупомянутом докладе Варганова утверждается, что все найденные ценности были оставлены в ризнице: «Когда сотрудники губчека нашли драгоценные церковные изделия и хотели их увезти, они (монахи) очень были взволнованы и опечалены, но я отдал распоряжение... все вещи оставить в ризнице и запечатать до будущего нашего учета, чем и приподнял в глазах монашествующих авторитет нашего Управления, т. е. «Соловецкой советской власти», как они называют»³⁸.

Доклад этот был представлен в Архгубчека 19 августа 1920 года в день престольного праздника Соловецкой обители – Преображения Господня. В преддверии 21 августа – дня памяти перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия в 1566 году – Варганов обращался к губчека с вопросом: «Позвольте ли приступить к вскрытию мощей так называемых «соловецких святых», подготовив для этого благоприятную почву?» Однако, по-видимому, одобрения эта инициатива не получила до 1925 года, когда по всей стране началась кампания по вскрытию мощей.

Арест и мученическая кончина архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора

Поскольку архимандрит Вениамин был истинным пастырем, вокруг которого сплывались монашествующие, и кроме того, он был свидетелем расхищения монастырского имущества советскими организациями летом 1920 года, от него решили избавиться. 14 сентября 1920 года по постановлению Архангельской губернской ЧК архимандрит Вениамин был лишен свободы на 5 лет «за содействие побегу заключенных Онегина и Гандлера с Соловков»³⁹. По этому же делу вместе с ним был осужден на три года послушник Сергей Воробьев. Истинной причиной

ареста было их участие в «сокрытии монастырских ценностей и хранении оружия»⁴⁰.

Через несколько дней – 20 и 21 сентября 1920 года – по постановлению архангельской губернской ЧК за «антисоветскую агитацию» и сокрытие монастырского имущества были арестованы монахи Никифор Кучин (будущий преподобномученик иеромонах Никифор) и послушник Александр Коробицин (будущий иеромонах Александр). 21 сентября 1920 года они были приговорены к заключению в концлагерь принудительных работ «до конца гражданской войны».

Наказание все они отбывали в Холмогорском лагере принудительных работ. Состав преступления по существу не было, поэтому по постановлению коллегии Архангельской губернской ЧК они были вскоре освобождены: первым послушник Сергей – 27 января 1921 года, за ним 30 октября 1921 года, в связи с амнистией, посвященной 4-й годовщине Октябрьской революции, вышел на свободу монах Никифор. Архимандриту Вениамину срок наказания был сокращен до трех лет, и летом 1922 года он так же досрочно был освобожден от наказания. Некоторое время архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор жили в Архангельске на Соловецком подворье. Несмотря на то что здания подворья были «муниципализированы», а склады разграблены, около 20 человек братья занимали часть здания в качестве жильцов.

В январе 1922 года они от имени объединенного коллектива верующих Зосимо-Савватиевского храма ходатайствовали о передаче им дома в аренду на приемлемых условиях. Это ходатайство было подписано фамилией Кононов, то есть, по-видимому, архимандритом Вениамином⁴¹. Местные власти готовы были пойти им навстречу, так как «единственным налаженным аппаратом по домоуправлению бывшего Соловецкого подворья, не требовавшим операционных и других расходов ни от казны, ни от Комхоза, являлся объединенный коллектив с издавна существующей при нем трудовой артелью около 15-20 человек, из коих каждый знал свое дело: кому чистить двор и улицу, кому ездить за водой, кому заботиться об удалении нечистот и о сгребании снега, кому заготавливать дрова, кому и как вести прописку жильцов и т. п. Попытка использовать этот единственный бесплатный рабочий аппарат и была сделана...»⁴²

Тем не менее храм был закрыт, дом отобран, и верующим предложено было освободить его до 26 октября 1922 года. После закрытия подворья архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора приютил Александр Алексеевич Левичев, архангелогородский фармацевт. В его квартире на

Обводном канале (д.7, кв. 8) они проживали с 28 ноября 1922 года до 17 июня 1926 года. Где они служили, когда и кем был рукоположен монах Никифор, неизвестно.

Летом 1926 года о. Вениамин и о. Никифор по совету бывшего послушника Соловецкого монастыря Степана Антонова переехали в село Часовенское, где жила Анна, сестра Степана. Они нашли подходящее для пустынножительства труднодоступное место на высоком берегу Волкозера, в 32-м квартале Беломорского лесничества, в 40 верстах от ближайшего населенного пункта – деревни Коровкинской Часовенского сельсовета. Там с помощью Степана они поставили себе келью, а рядом разбили небольшой огород.

В трудах и молитвах прожили два года. Недостающие продукты Степан привозил по зимнику из Архангельска. В базе данных ПСТГУ со слов М. И. Стрелкова указано, что «изредка их навещали бывшие насельники Соловецкого монастыря, жившие неподалеку в лесных избушках-келиях, да местные православные крестьяне-охотники, которые относились к монахам с большим почтением». Имена и судьбы этих монашествующих, высланных с Соловецких островов и нашедших себе тайное прибежище в архангельских лесах, известны только Господу, но важен сам факт существования последних соловецких пустынножителей.

Об архимандрите Вениамине и иеромонахе Никифоре стало известно, так как 4/17 апреля 1928 года, во вторник Светлой седмицы, они были зверски убиты жителями села Часовенского, 19-летним комсомольцем Владимиром Ивановым и дважды судимым бандитом 23-летним Степаном Ярыгиным. Бандиты предполагали, что у отшельников хранятся сокровища Соловецкого монастыря.

Грабители сначала стреляли в окна – туда, где располагалась кровать архимандрита Вениамина. Услышав стоны, бандиты не посмели переступить порог кельи. Они залезли на чердак и взяли две пары сапог, два дождевика, фуфайку, нижнее белье, носки, брюки, кусок черного брезента, голубой эмалированный чайничек, набор рыболовных крючков и плотницкий инструмент. Чтобы замести следы, сообщники облили избушку керосином, найденным на чердаке, и подожгли. 9 июня 1928 года Степан Антонов, приехавший навестить архимандрита Вениамина, обнаружил только остатки избы и два обгоревших скелета в ней...

Совершал отпевание преподобномучеников соловецкий иеромонах Елисей. Где погребены их останки, до сих пор неизвестно.

Соловецкие преподобномученики архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор были канонизи-

рованы в 2000 году, их память совершается в день их мученической кончины 4/17 апреля и в день празднования Собора новомучеников и исповедников Соловецких 10/23 августа. В 2004 и 2005 годах на месте мученической кончины архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора были проведены обследование и раскопки участниками совместной экспедиции Соловецкого монастыря и Соловецкого отряда Морской Арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). На месте сожженной избушки был установлен поклонный крест. На месте гибели преподобных у восточной стены избы были обнаружены несколько кальцинированных фрагментов человеческих костей. Также было найдено более ста предметов, принадлежавших преподобным, в числе которых, например, кадило, чашка и т. д. Эти реликвии хранят на себе следы пламени, в котором приняли смерть за Христа преподобномученики Соловецкие. Все находки в 2006 году были переданы на хранение в церковно-археологический кабинет Соловецкой обители.

Совхоз и монастырь

Возвращаясь к событиям на Соловках конца 1920 – начала 1921 года, нужно отметить, что представители советской власти пытались заниматься «агитацией» монахов. Так, 19 января 1921 года был проведен митинг на тему «Что такое советская власть?», на котором присутствовало около ста человек.

«Настроение монахов не весьма важное», – отмечено в протоколе собрания членов коммунистической ячейки⁴³. Власть пыталась «произвести раскол в среде послушников и монахов»⁴⁴. С этой целью послушник Александр Горбунов был зачислен кандидатом в члены партии по упрощенной процедуре. Однако результат оказался прямо противоположным ожидаемому. На заседании ячейки 27 января 1921 года коммунист Т.Г. Молев заявил: «...среди нас имеются вредные элементы, какое бы ни было решение на собрании, все бывает известно тем людям, которые эксплуатировали нас до переворота. Вот вновь вступивший кандидат Горбунов занимается такими делами»⁴⁵.

Об Александре Феодоровиче Горбунове удалось найти следующие сведения. В списке 1920 года он упоминается как послушник. Родился в 1891 году в крестьянской семье в деревне Леоновская Шенкурского уезда Архангельской губернии. 29 ноября 1921 года А.Ф. Горбунов был арестован по постановлению Архангельской губернской ЧК за «присвоение народного достояния» – укрывательство монастырского имущества. Нака-

занию его не подвергли в силу амнистии, посвященной 4-й годовщине Октябрьской революции⁴⁶. В списке рабочих совхоза «Соловки» на 1 января 1922 года он записан 48-м, там же указан его возраст – 30 лет. То есть он продолжал трудиться на Соловках, причем был на хорошем счету у начальства, так как начальник милиции И.Т. Адамсон назначил его своим помощником – «десятским».

В марте 1921 года Управлением Соловецкими островами был издан приказ о снятии икон со всех общественных зданий. Казалось бы, позиция власти в отношении монашествующих ужесточилась. Однако в реальности дело обстояло не так просто. Сохранился очень любопытный документ, свидетельствующий о том, что в январе–марте 1921 года монашеской общине были переданы «в бессрочное бесплатное пользование находящиеся на Соловецком, Муксаломском Большом и Малом и Заяцком островах богослужебные здания»⁴⁷, а именно – все церкви и часовни. Договор начинался словами: «Мы, нижеподписавшиеся граждане монашествующие Соловецкого Ставропигиального первоклассного монастыря, имеющие в нем свое местожительство, заключили настоящий договор с Управлением Соловецкими островами...» То есть договор был составлен от лица действующего (не упраздненного!) монастыря и подписан 282 насельниками. В храмах предполагалось совершать богослужения: «Храмами и находящимися в них богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться и предоставлять их в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей».

Более того, представители управления предусмотрели не только право доступа в храмы «во вне богослужебное время уполномоченных Управления Соловецкими островами лиц к периодической поверке и осмотру имущества», но и оговорили возможность совершения треб. Естественно, монашествующие взяли на себя «ответственность за целостность и сохранность врученного им имущества», а также приняли обязательства не допускать в богослужебных помещениях «политических собраний, враждебного Советской власти направления, раздачи или продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти, произношение проповедей или речей, враждебных Советской власти». Монашествующие обязались также «из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов, часовен и прочих помещений, упомянутых в сем договоре и находящихся в них предметах, как то: по ремонту, отоплению, страхованию, охранению, по оплате долгов, налогов, местных обложений и т. п.».

Первым подписался под договором Владимир Смирнов, числившийся в 1920 году послушником. В списке работников совхоза «Соловки», составленном в январе 1922 года, его имя записано 205-м и указан возраст – 42 года. После него под договором 1921 года подписались иеромонах Серафим, казначей иеромонах Арсений, иеромонах Марк, иеромонах Досифей, иеромонах Мартин. Далее – послушники и монашествующие вперемешку. Иеромонахи, подписавшиеся первыми, были, по-видимому, представителями Собора, который осуществлял управление монастырем после ареста архимандрита Вениамина. Подпись бывшего настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Иоанникия стоит ближе к концу списка. Если предполагать, что все оставшиеся на острове насельники монастыря поставили свои подписи под договором, то получается, что их число сократилось вдвое по сравнению с 1920 годом.

Таким образом, монашествующие пытались законно оградить от посягательств советской власти свою внутреннюю жизнь. Они готовы были добросовестно трудиться, если этот труд не был связан с чуждыми им идеями. Иногда это идейное противостояние проявлялось в открытых конфликтах. Так, 9 апреля 1921 года «присланный живописец Иларию монах (иеромонах) отказался работать по своей специальности»⁴⁸. Ему было предложено раскрасить декорации для очередной театральной постановки, а за отказ секретарь ячейки РКП(б) требовал от Коллегии Управления Соловецкими островами привлечь монаха-живописца к ответственности «согласно законов о труде». Секретарь ячейки негодовал также на то, что «монахи занимают отдельные комнаты, причем тратятся непорочно дрова», и предлагал уплотнить их «согласно лишенческих условий жильцов». Однако в 1921 году управление было настроено доброжелательно по отношению к монашествующим, и санкций не последовало. Братия монастыря даже вступила в Объединенный союз служащих и рабочих на Соловецких островах и, составив в нем большинство, воспользовалась возможностью под эгидой профсоюза организовать дом инвалидов в Савватиеве, где проживали отцы преклонного возраста.

Известно два списка престарелых монахов⁴⁹, которые по состоянию здоровья подлежали переводу в дом инвалидов. В одном списке значатся имена 52 насельников монастыря, которые изъявили желание оставаться на работах в совхозе, не проходя комиссии.

В другой список вошли имена 60 насельников, которые прошли освидетельствование во врачебной комиссии и были приняты в дом инвали-

дов с разделением на 5 категорий трудоспособности. Лица, получившие 3-5 категории, должны были принимать посильное участие в работах по содержанию дома инвалидов, а также их привлекали для работы в совхозе.

Акт, регламентирующий порядок работы дома инвалидов, и приложенные к нему списки относятся к 15-21 августа 1921 года. Характерно, что в это время власти с уважением относились к правам верующих. Например, в 14-м разделе акта предлагается для обсуждения вопрос о возможности оставления икон в здании, занимаемом государственным учреждением. «Ввиду того, что в доме, ныне занимаемом под дом инвалидов, ранее находились кельи монахов и в них до сих пор сохранились иконы, вопрос о том, могут ли таковые оставаться и в дальнейшем, надлежит выяснить Губсобецу, имея в виду, что призречаемые состоят исключительно из монахов и в большинстве схимонахов, что изъятие икон из келий для них явится как нарушением культа верующих»⁵⁰.

Весной 1922 года все жители дома инвалидов были перевезены в богадельню в Архангельск. В их числе был иеросхимонах Иоанн, о котором иеромонах Мартин вспоминал: «Перед смертью предстала ему в видении Царица Небесная, приглашая его в горние обители, и велела сказать остальным монастырским братьям, находящимся с ним в богадельне, чтобы они не скорбели и не выезжали с Соловков, а терпели бы скорби мужественно: «Я Сама им воздам награду за терпение». После чего старец вскоре с миром скончался»⁵¹.

В 1923 году монашеский профсоюз был признан «организованным черным вороньем – оплотом контрреволюции на Севере», и монахов из него исключили⁵².

Кончина архимандрита Иннокентия Иоанникия

6/19 июня 1921 года, примирившись со всеми, после соборования и напутствия Святыми Тайнами тихо и безболезненно отошел ко Господу архимандрит Иоанникий в возрасте 71 года, прожив всего в Соловецкой обители 54 года.

В 1919 году под давлением части братии, он вынужден был удалиться из монастыря в Савватиевский скит, где ему отвели 2 комнаты в нижнем этаже деревянного корпуса. Там он провел около трех лет в покаянных молитвах, самоукоренении и самоуглублении. Когда «вся земная совершилася», он отошел на делание «богатеть в Господа». Близких по духу людей рядом не было.

В 1920 году в монастыре пошли слухи о возможной скорой кончине архимандрита Иоанникия. Многие из бывших его недоброжелателей потянулись в Савватиевский скит просить прощения. Подходя к отцу Иоанникию под благословение, они с трудом узнавали в смиренном, согбенном старце своего бывшего грозного настоятеля, не терпевшего противоречий. Источилась плоть, обновился дух, смирился взгляд, сделавшись кротким, любвеобильным и всепрощающим. Никто не знал его келейного правила последнего времени, но все теперь могли почти осязать труд и достижения молитвенного делания архимандрита Иоанникия. Он каждого приходившего к нему принимал с братской любовью, и бывшие у него тогда ощущали в нем присутствие особого мира и благодати. Когда в бытность его настоятелем указывали ему на живших в обители подвижников и блаженных, он обычно говорил: «Вид-то их благочестив и молчалив, а каков конец-то будет?» Сам отец Иоанникий стяжал блаженную кончину безропотным преданием себя воле Божией⁵³.

Монастырь как «памятник художественно-исторического значения»

Летом 1921 года на Соловках работал уполномоченный Петроградского отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины – Б.Н. Молас. Он произвел регистрацию соловецких памятников и советовал Главмузею назначить «уполномоченного по охране художественно-исторических ценностей Соловецкого монастыря» в лице заведующего совхозом «Соловки» Ивана Теновича Адамсона, рекомендуя его как человека дельного, добросовестного и культурного⁵⁴. Это назначение состоялось 19 сентября 1921 года, а в октябре Петроградское отделение Главмузея послало в Архангельский губисполком охранное свидетельство на Соловецкий монастырь «как памятник выдающегося художественно-исторического значения, находящийся под охраной правительства». Это позволило в дальнейшем требовать участия представителей Наркомпроса при всяческих «реквизициях» и «изъятиях».

Осенью имел место конфликт братии с администрацией, в результате которого 21 сентября 1921 года был арестован за антисоветскую агитацию иеромонах Николай и по постановлению Архангельской губернской ЧК заключен в концлагерь принудительных работ до конца Гражданской войны.

23 февраля 1922 года ВЦИК принял декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в

пользовании групп верующих». Декрет фактически отстранял представителей церкви от участия в организации помощи голодающим и в сдаче ценностей, а также запрещал замену богослужебных предметов равноценным количеством золота и серебра.

9 марта В.И. Ленин направил в Политбюро письмо, в котором призывал использовать изъятие церковных ценностей для расправы с церковнослужителями: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁵⁵.

27 марта Президиум Архангельского губисполкома принял решение об отправке комиссии по изъятию церковных ценностей в Соловецкий монастырь до открытия навигации, чтобы с первыми пароходами вывезти ценности в Архангельск. К 1 апреля совхозом «Соловки» была создана комиссия по проверке имущества, переданного коллективу верующих.

19 мая 1922 года, как только открылась навигация, на Соловки прибыла комиссия по изъятию церковных ценностей в Помгол. Изъятые вещи передавались в Комиссию по обезличению и сортировке ценностей, которая превращала церковные реликвии и предметы искусства в лом драгоценных металлов. Видя это, представители Главмузея 24 мая направили в Москву отчаянную телеграмму: «Предметы 16-17 века не признаются даже спорно. Ликвидируются. Мошков. Адамсон». В ответ на нее из Москвы выехала группа экспертов Главмузея, в которую входили Н.Н. Померанцев, П.Д. Барановский и А.В. Лядов. Прибыв на Соловки 27 мая, эксперты застали уже скомплектованные, но не запечатанные ящики с изъянными ценностями. «Ризница, считавшаяся одним из лучших музейных собраний, оказалась вся изъята, за исключением произведений, не имевших большой материальной стоимости... Многие иконы найдены в полуразрушенном состоянии... У иконы митрополита Филиппа, имеющей большое историческое и художественное значение для Соловков, снят чеканный венец 17-го века... Кирками оборвана басма на местной иконе «Предста Царица», – констатировал в отчете Н.Н. Померанцев.

Эксперты Главмузея характеризовали работу комиссии Помгола как акт вандализма по отношению к существующему, исключительно по своей цельности и значению, музею древнерусского искусства и культуры, каковым является бывший Соловецкий монастырь. Они настаивали на пересмотре ценностей, но получили категорический отказ. Удалось добиться только распоряжения ВЦИК о вывозе в Москву в Оружейную палату всех изъятых на Соловках музейных ценностей. Благодаря упорству сотрудников Главмузея, и прежде

всего Н.Н. Померанцева, 1 декабря 1922 года в Оружейную палату поступило 332 предмета из соловецких ценностей, которые составили основу так называемого Церковного отдела⁵⁶.

Новые пострижения

В 1922 году монашеская община продолжала трудиться в совхозе. В списке рабочих совхоза «Соловки», состоящих на приварочном и денежном довольствии, на 1 января 1922 года значится около 230 бывших насельников монастыря⁵⁷.

Ценность этого списка заключается в том, что кроме имен в нем указан возраст трудящихся. В более поздний список 1922–1923 годов почему-то включены только 33 человека с подразделением на служащих, рабочих и учеников⁵⁸. В этом списке отмечены лица, имевшие духовные звания, и указан оклад. Так, 9-м в списке служащих значится: «9. Коптелов Владимир – иеродиакон, заведует кассой». Зарплата ему полагалась 40 руб. Это был иеродиакон Всеволод, в 1921 году он был делопроизводителем при Управлении, и его подпись есть в договоре 1921 года. Далее: «14. Гулин Прокопий Ульянович – иеродиакон, конторщик» (иеродиакон Потاپий) и «15. Истомин Михаил – иеродиакон, конторщик» (иеродиакон Маркеллин). Зарплата им полагалась по 20 руб. Также в этом списке упоминаются два монастырских послушника: Штин Петр Афанасьевич (старший счетовод, зарплата 45 рублей, согласно списку 1922 года ему было 34 года, в списках 1920 и 1921 годов его имя не встречается) и Булычев Павел Афанасьевич – сын известного вкладчика. Имена обоих послушников внесены в синодик Никифора Стрелкова 1929 года, о котором подробнее говорится в рассказе об иеромонахе Елисее.

Как видно из списков 1921–1923 годов, администрация совхоза активно привлекала монашествующих к работе, причем даже доверяла им делопроизводство и организацию работ. В то же время администрация пыталась искоренить монастырские обычаи. Например, среди монашествующих принято было испрашивать благословение у священников перед началом работ. Обратив на это внимание, уполномоченный Архангельского губисполкома на Соловках издал 24 ноября 1922 года следующий приказ: «Мною замечено, что во время работ в совхозе «Соловки» при встрече рабочих с табельщиком Каликиным⁵⁹ последний использует религиозный обряд – благословлял зацеловать руки. Такой унижительный обряд как пережиток сред-

невековья и крепостного права в Советской Республике не допустим, тем более в часы служебных занятий. А потому приказываю на будущее время таких унижительных обрядов в часы служебных занятий не производить, а все религиозные обряды отправлять в церкви или у себя на квартирах вне служебное время. За неисполнение сего виновные будут привлечены к ответственности.

Настоящий приказ опубликовать среди жителей Соловецких островов.

Уполномоченный Архгубисполкома на Соловках: Александровский»⁶⁰.

Несмотря на определенно враждебную позицию советской власти по отношению к монашествующим, некоторые послушники, прожившие более десяти лет в монастыре, изъявили желание принять монашеский постриг. Согласно списку 1929 года⁶¹ 3 декабря 1922 года был пострижен монах Никон, а 31 декабря – монахи Даниил, Панкратий, Феофан, Пантелеймон, Аристарх и Иоанафан. Возможно, постриженников было больше, но пока известны имена только тех, кто оставался в монастыре до 1929 года.

Пожар

В жизнеописании соловецкого монаха Гурия говорится, что в среде монашествующих и в 1923 году не было единства. Смуты в умах и сердцах продолжались и даже усугублялись предчувствием новых скорбей.

Мать Божия еще в 1920 году являлась монаху Гурию в видении с грозным предупреждением: «Грехи монастыря Соловецкого тяжки. Грешны и старшие, и младшие. Старшие виноваты тем, что обижают и притесняют младших, а младшие грешны тем, что, не терпя сих утеснений и не желая в скорбях спастись, наушничают власть имущим на деяния старших. Те и другие не хотят терпеть скорбей от ближних. Если не одумаются и не примирятся, то кара Божия постигнет их неминуемо...» Приблизительно в начале 1923 года Царица Небесная снова явилась убогому «чудаку»⁶² о. Гурию, но уже с последним и грозным предупреждением: «Если не исправятся и не помирятся братия, огнем попалю сию святыню, вас накажу и рассею».

Молчали угодники, не являясь ныне никому из братии. Повторился 1538 год, когда старцу Леониду в видении приходили преподобные Зосима и Савватий и сказали, что не услышана Господом их мольба о пощаде братии и что Господь ниспошлет огонь, который и поглотит весь монастырь за нечестие его. Не поверили сему видению тог-

дашние люди, и в день Вознесения Соловецкий монастырь сгорел дотла. Как праздник Вознесения означает, что Господь покинул землю и отошел ко Отцу Своему, так и милость Божия отходила от Соловецкого монастыря к небожителям за поругание святыни, нарушение обетов и попрание идеала монашества.

И вот через 385 лет история повторилась вновь. За три дня до Святой Троицы, в 1923 году 12 мая, огнем пожигается почти вся святая обитель. 12 мая в истории великого соловецкого пожара 1923 года имело громадное значение. Это был день скорби (пятница – день воспоминания крестной смерти нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа); наконец, Господь не дал породиться великой радости от тех даров, которые ниспосылаются христианам в день Святой Троицы, когда происходит Сошествие Духа Утешителя на скорбную землю. Бог отнял от насельников сию радость, лишил их ее как недостойных и сим заключил свой праведный гнев – на времена и лета, еже заключены суть у него под печатями... И плач обуял келии и храм – ибо великий некогда, но ныне повапленный Израиль исшел из Иерусалима, дабы с гор окрестных вздыхать и плакать о грехах своих и потерянных и поруганных святынях.

Пламя выбросилось в разных местах и церквах почти одновременно. Но страшно то, что пожар начался в храме Успения Божией Матери. Царица Небесная испепелила свою святыню за нечестие братии и в предупреждение еще большего и неизбежного кошунства со стороны властей. Вскоре после пожара Успенская церковь была отведена под жилое помещение нового лагеря особого назначения ГПУ, заполнилась отбросами и отщепенцами мира и осквернилась, как и другие храмы.

Монахи были изгнаны из монастыря; потеряли святыню, потеряли свои келии, кров. Большая часть их (главным образом, смутьяны, бунтовщики) была вывезена на берег за ненадобностью. И так, по слову Царицы Небесной, они рассеялись. По промыслу Божию наиболее крепкие, трудолюбивые и менее виновные в смутах остались при святой обители на разных хозяйственных должностях для обслуживания лагеря и сохранения последней монастырской святыни – кладбищенской Онуфриевской церкви, при которой образовалась «двадцатка». Исполнились слова и видения о. Гурия, ныне уже не чудака и не в прелести бывшего. Сам он, в числе многих, покинул бывший монастырь весной 1923 года, завершив в ней все ему и чрез него прореченное во славу Господа и в назидание и спасение братии и Святой обители сей⁶³.

Монастырь в системе СЛОНа

7 июня 1923 года пароход «Печора» доставил на Соловки новых хозяев острова – первых сотрудников Управления Северных лагерей ГПУ и первую партию заключенных из Архангельска и Пертоминска.

Они были привлечены к работам по ликвидации последствий недавнего пожара, по восстановлению жилья и подсобного хозяйства, по подготовке к зиме. 9 июня была сформирована комиссия для передачи Управлению зданий совхоза и его имущества. В этот же день управляющему совхоза «Соловки» П.Ф. Александровскому было вручено отношение комдива 16-го полка ГПУ «о срочном изготовлении именных списков в трех экземплярах на всех монахов, состоящих... на учете по указанной... форме. Список приготовить к 10 часам утра 10/VI без всякого промедления»⁶⁴.

В протоколе совещания о мероприятиях по Соловецким островам и совхозу от 9 июня было принято две резолюции: «О разного рода церковном имуществе» и «О монахах бывшего Соловецкого монастыря». Было решено: «Церковное имущество (иконы, книги), находящиеся в жилых помещениях и других местах, сосредоточить в особом складе и по выделении командироваемым Губисполкомом представителем предметов художественно-исторического значения – остальное передать на утилизацию Управлению Северными лагерями»⁶⁵.

В отношении монахов записано: «Признать за Управлением Северными лагерями право оставления на работах в целях их нормального хода тех квалифицированных работников, кои кажутся необходимыми, на условиях, установленных соглашением последних ранее с Управлением совхоза, но не иначе как на определенный срок и по обоюдному соглашению обеих сторон... Выяснить среди остающихся желающих выехать с указанного места, обусловив выезд дачей обязательства в виде подписки выезда в указанный пункт... В отношении тех, которые не сделали заявки на выезд и уклонились от дачи подписки, войти с представлением в комиссию при Наркомвнуделе о выселении их в порядке административной высылки как элемента, к пребыванию в Архгубернии политически нежелательного»⁶⁶.

Сотрудники Управления Северных лагерей ГПУ активизировали работу по поиску сокрытого монахами имущества. В описи к делам, переданным в Архангельское ГПУ от 8 июня 1923 года, значится 6 дел такого рода:

«1) О сокрытии имущества в Валдайских горах и на Амбарном озере. На 39 листах.

2) О сокрытии имущества от учета монахом Намовым Михаилом на 5 листах.

3) О сокрытии берданочных патронов на канаве из Белого в Валдайское озеро на 7 листах. ...

б) Дело о сокрытии от учета имущества шорником Совхоза Соловки Усцовым⁶⁷ на 3 листах»⁶⁸.

Учтенное советской властью имущество совхоза «Соловки» передавалось Управлению Северных лагерей ГПУ в июне–августе 1923 года. Сохранились акты, в которых подробно описаны все храмы, часовни и хозяйственные строения с указанием времени постройки⁶⁹. В этих актах упоминаются также имена некоторых монахов – работников совхоза. Так, Заусаев Тимофей (монах Трофим) был старостой рыболовной тони на острове Большая Муксалма. Он сдавал имущество тони 26 июня 1923 года. Представителем совхоза «Соловки» ответственным за хозяйство на Малой Муксалме значится послушник Федор Богатырев. Имущество салотопенного завода сдавал послушник Василий Рыболовлев.

21 июля 1923 года по представлению Управления Северных лагерей Президиум Архангельского губисполкома по вопросу о церквях на Соловках постановил: «Признать необходимым ликвидацию всех находящихся в Соловецком монастыре церквей, считать необходимым использование церковных зданий для жилья, считаясь с остротой жилищного положения на островах в связи с переводом туда лагерей. Определение подлежащих использованию зданий произвести с ведома и согласия Главмузея, возложив выяснение вопросов в Главмузее на Управление Северных лагерей. Имуществом церковей передать через НКВД Управлению Северных лагерей, за исключением колоколов»⁷⁰.

23 августа 1923 года был заключен договор между Отделом музеев и Управлением Северных лагерей об использовании древних памятников бывшего Соловецкого монастыря, благодаря которому Преображенский собор и церковь Благовещения использовались как музейные помещения в течение всего лагерного периода. Таким образом, к 13 октября 1923 года, когда Совет народных комиссаров СССР принял официальное решение об организации Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (СЛОН) и двух пересыльно-распределительных пунктов в Архангельске и Кемь, часть постановления, касающаяся передачи имущества, была уже выполнена. Согласно этому постановлению полагалось «все уголья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавший бывшему Соловецкому монастырю, а равно Пертоминскому лагерю и Архангельскому пересыльно-распределительному пункту, передать безвозмездно ОГПУ».

Летом 1923 года был арестован иеромонах Досифей, который встречал первую прибывшую на Соловки реквизиционную комиссию в апреле 1918 года и считался виновником ареста кемского большевика В.Н. Степанова. По постановлению военного суда Степанов был приговорен к расстрелу, но ему удалось бежать, и в 1923 году он работал в Кеми. «Пролетарский суд нашел виновников кемского расстрела. Начальником УСЛОН т. Ногтевым⁷¹ был доставлен из Соловков иеромонах Досифей и, стоя рядом с т. Степановым на допросе, он вынужден был сознаться, как способствовал он белогвардейцам душиТЬ революцию»⁷². К сожалению, сведения о последующей судьбе иеромонаха Досифея пока не найдены.

Богослужения в лагере

По-видимому, к осени 1923 года большинство монашествующих были высланы с Соловецких островов. Однако около 60 человек братии отказались покинуть острова, заявив чекистам, что их последнее желание – сложить свои кости на Соловках, и если присутствие их нежелательно, то они просят расстрелять их здесь же, на монастырском кладбище. ГПУ разрешило им остаться в родных стенах в качестве вольнонаемных «инструкторов» по различным производствам. Они с радостью согласились, говоря, что работают не на ГПУ, а состоят в «послушании» у Святой обители.

Жили монашествующие сначала в петербургской гостинице, а затем в наместническом корпусе около Сельдяных ворот, имели отдельный вход, свободно перемещались по острову. Им было разрешено совершать богослужения в церкви преподобного Онуфрия на монастырском кладбище. Настоятелем церкви был иеромонах Агапит. Отец Григорий – пожилой монах (ему было 65 лет в 1929 году) – говорил: «Наша глубокая вера в том, что Всемогущий Господь, допустивший, что наша обитель превратилась в арену духовной борьбы между последователями Христа и клеветами антихристовой сатанинской власти, предопределил, что свет победит тьму. После низвержения в России слуг Веельзевула наша святая обитель послужит памятником духовной победы Христа над темными силами ада. Как ныне Соловецкий маяк освещает путь мореплавателям, так в последующие века наша святая обитель, озаренная победным Божественным светом Христа, будет путеводным маяком в истории православной России»⁷³.

Монахи-инструкторы работали либо своими артелями (сельхоз в Савватьево, рыболовные арте-

ли на Березовой, Сосновской и Филимоновой тонях, звероловные артели на Реболде и Малой Муксалме), либо на бывших монастырских заводах, ставших лагерными производствами: литейный, керамический и кирпичный заводы, механические мастерские. «Игумен, уставщик и все схимники были на иждивении работающих»⁷⁴.

На маяке на Секирной горе смотрителем работал монах Флавиан. Основным консультантом по бывшему монастырскому хозяйству был монах Иринарх. Обязанности настоятеля монастыря исполнял игумен Феофан (Окулов). Когда он был возведен в сан игумена, неизвестно, по крайней мере, в списке 1920 года его имя записано среди иеромонахов. Хотя есть упоминания, что 20 октября 1918 года игумен Феофан принимал предсмертную исповедь у многоболезненного монаха Евфимия⁷⁵, а в 1921 году он же постригал в схиму монаха Тарасия с именем Диомид (схимонах)⁷⁶, возможно, что эти воспоминания были записаны позднее, когда он уже стал игуменом. Монашеская община совершала богослужения по монастырскому уставу. Служба в церкви преподобного Онуфрия совершалась ежедневно: в 6 часов вечера служили вечерню и утреню, а в 4 утра – литургию. Архимандрит Феодосий (Алмазов) вспоминал: «В кладбищенской церкви богослужение совершалось по уставу ежедневно. В мое время (1927–1928 гг.) пел хор заключенных, и иногда в праздники настолько хорошо, что многие рыдали, я сам плакал навзрыд. Монашеское пение соловецкого напева очень грубое, особенно в исполнении иеромонаха Мартина, которому «подмартиновать» (любимое выражение владыки Илариона, обычно певшего с монахами на правом клиросе) было очень тяжело ввиду своеобразия соловецкого напева. В 1927 году регентом был преосвященный Амвросий Полянский, его заместил Дехтярев, работник отдела труда, а потом наш лесник. Он управлял хором в Пасху 1928 года, когда мы служили в Знаменской церкви Кремля»⁷⁷.

Доступ в церковь до 1925 года был запрещен всем заключенным, даже высшему духовенству. Со сменой начальника лагеря духовенству разрешили не только молиться в церкви, но и служить, что особенно радовало соловецких монахов, так как смогли совершать службы ссыльные архиереи. Посещали церковь и миряне, оказавшиеся в лагере по церковным делам, а также заключенные по разовым пропускам, подписанным начальником лагеря.

Порядок посещения церкви постоянно менялся. «Иногда священнослужителям разрешалось ходить в церковь и даже служить на Рождество и на Пасху, иногда они получали право служить каждое воскресенье, иногда – в свободное от занятий время, т. е.

до поверки в 6 часов утра. Потом неожиданно совсем запрещалось, а через месяц разрешали снова. Соловецкое начальство строго следило за тем, чтобы в церковь допускались только осужденные по церковному делу... За посещение церкви без разрешения налагался арест от двух недель и более»⁷⁸.

Осенью 1925 года ссыльные католические священники вели переговоры с администрацией по поводу разрешения совершать свои богослужения в притворе кладбищенской церкви. Администрация в принципе дала свое согласие, но иеромонах Агапит с братией были настроены категорически против этого. Поэтому католикам для совершения богослужений была выделена часовня преподобного Германа в двух с половиной километрах от монастыря к северо-западу на берегу моря.

В конце 1924 – начале 1925 года вместе с вольнонаемными монахами могли совершать богослужения и ссыльные архиереи. Свидетельством этому – рукоположения, отмеченные в списке 1929 года: 19 октября 1924 года в день памяти апостола Фомы иеродиакон Симон был рукоположен в сан иеромонаха, 4 декабря на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы был рукоположен во иеромонаха иеродиакон Киприан. 19 декабря в день памяти Святителю Николаю состоялось рукоположение в сан иеромонаха иеродиакона Иувеналия (Ювеналия), 15 февраля на праздник Сретения Господня монах Мисаил был рукоположен в сан иеродиакона, а 7 апреля 1925 года в день Благовещения Пресвятой Богородицы был рукоположен во иеромонаха иеродиакон Сосипатр. Эти первые известные рукоположения после августа 1917 года стали возможными благодаря довольно терпимому отношению к духовенству со стороны нового начальника УСЛОН Федора Ивановича Эйхманса, который разрешал ссыльным архиереям участвовать в богослужениях. Вероятно, рукоположения совершал архиепископ Евгений (Зернов), который был избран старшим соловецким архиереем. Его и поминали как архиепископа Соловецкого.

Ссыльное духовенство и люди, знавшие и ценившие русскую культуру, старались по возможности сохранить остатки монастырского имущества, изъятого советской властью у монашеской общины (икон, мощей, рукописей, предметов быта и т.п.). В 1924 году было организовано Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения – СОАОК, председателем которого стал сам начальник УСЛОН Ф.И. Эйхманс. Благодаря столь высокому покровительству общество краеведения смогло добиться того, что Спасо-Преображенский собор, надвратная церковь Благовещения и церковь во имя святого апостола Андрея Первозван-

ного на Большом Заяцком острове были объявлены заповедниками и приспособлены для хранения и экспонирования коллекций историко-археологического отдела Соловецкого музея, открывшегося 19 июля 1925 года.

Вскрытие святых мощей

21-22 сентября 1925 года в целях антирелигиозной пропаганды производилось вскрытие мощей Преподобных Зосимы и Савватия. В комиссии, кроме начальника культурно-воспитательной части Д.Я. Когана и А.П. Иванова, принимали участие представители духовенства: ссыльные епископы Мануил (Лемешевский) и Иувеналий (Масловский), иеромонах Агапит (Рогозин) – представитель соловецких монахов, ссыльные священники Вертоградский и Кедров⁷⁹. Первыми были вскрыты 21 сентября мощи Преподобных Германа и Иринарха. Их было легко обнаружить по надписям на белокаменных плитах, вделанных в стену у мест их упокоения соответственно в церкви Преподобного Германа и в часовне Преподобного Иринарха. В составленном комиссией акте утверждалось: «Нетленного тела Германа не оказалось. Обнаружено: левая височная кость, часть правой височной кости и девятнадцать других костей, легко поддающихся разрушению...»⁸⁰ В примечании к акту было указано: «При вскрытии мощей присутствовавшему монаху Герману по его просьбе была выдана кость из находящихся в могиле Германа».

В «Безбожнике» – приложении к газете «Новые Соловки» №39 за 1925 год этот эпизод описывается следующим образом: «Увидал какой-то монашек, что косточки их открыли, и ну просить-умолять, чтоб ему хоть одну подарили как святыню, хотя погнившую и смердящую, но все же святителю Герману принадлежащую. Начальство благодушно ему это разрешило, но на его горе Иванова до крайности возмутило, что монашек самую большую мосталыгу взял, поэтому он тут же ее и отнял, вытолкал монашка, приговаривая в назидание: «Уходи, уходи, нечего тут расхищать народное достояние»».

А.П. Иванов был в то время заведующим историко-археологическим отделом музея и, судя по его корреспонденциям в газете «Новые Соловки», воинствующим безбожником. Д.С. Лихачев писал, что среди заключенных Иванов имел самую дурную репутацию: он «был карликового роста, и его звали «антирелигиозной бациллой»⁸¹. В лагере он сидел за кражи церковных ценностей в особо крупных размерах. По мнению Лихачева, публикации Иванова «полны выдумками – главным образом в антирели-

гиозных целях. Верить им никак нельзя». Иванов был инициатором вскрытия мощей как идеологического мероприятия. Поскольку это было чисто идеологическим мероприятием в рамках антирелигиозной пропаганды, то и акты о состоянии мощей составлены были тенденциозно. Более того, опубликованы были лишь выдержки из актов.

По воспоминаниям Д.С. Лихачева, в 1929 году заведующий музеем Н.Н. Виноградов показал ему акт о вскрытии мощей Преподобных Зосимы и Савватия, «молча указав пальцем на одну важную деталь: в одной из рак при вскрытии был «обнаружен» окурок папиросы советского времени. Эта деталь ясно свидетельствовала, что до официального вскрытия раку осматривал кто-то, куривший при этом советскую папироску. Этим Николай Николаевич явно хотел показать цену «вскрытия».

Мощи Преподобных Зосимы и Савватия были обнаружены с трудом. Поиски в Троицком соборе и в усыпальнице были тщетны. Монахи-старожилы распространяли слухи, что мощи преподобных Зосимы и Савватия вывезены за границу, или отговаривались незнанием. Журнал «Карело-Мурманский край» публикует воспоминания одного из участников поиска останков святых отцов Соловецких. «После долгих опросов удалось найти одного жителя, который посоветовал искать мощи в Преображенском соборе в потайной комнате. Внимательно осмотрев стену собора, мы наткнулись на одно тщательно заделанное отверстие в южной стене, разобрали его и увидели железную дверь, запертую на ключ. Дверь пришлось взломать. Она скрывала небольшую квадратную комнату с оконцем. С левой стороны комнаты стояли два ящика, забытые хорошими винтовыми гвоздями. На одном ящике была надпись «Зосима», а на другом – «Савватий». Ящики были опечатаны сургучной печатью коллектива верующих местной Онуфриевской церкви. Представитель коллектива, почему-то явившийся неожиданно в собор, заявил, что мощи опечатаны Главмузеем и трогать их нельзя»⁸². Несмотря на это заявление, ящики были вскрыты, а мощи, плохо сохранившаяся старинная епитрахиль Преподобного Зосимы и его обувь (кожаные чуваки) – изъяты и переданы 22 сентября 1925 года для хранения в антирелигиозный отдел музея, расположенный в Благовещенской церкви.

В 2002–2003 годах в церкви во имя Преподобного Германа были проведены археологические исследования места упокоения Преподобного Германа под руководством археолога В. А. Бурова (сотрудника ИА РАН). Неожиданно для археолога в перекопе 1920-х годов были обнаружены

37 фрагментов костных останков. «Все костные фрагменты имели желтовато-бурый цвет с отдельными участками серо-черного и красноватого оттенка. Подавляющее большинство фрагментов – плотные, не крошились даже при значительном сдавливании пальцами. Поверхность костей имела блестящий, как бы лощеный вид»⁸³. То есть даже после перекопа брошенные как попало мощи оставались нетленными!

Найденные останки были предъявлены членам комиссии, в состав которой входил заведующий отделом судебно-медицинской идентификации личности Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор В.Н. Звягин. Комиссией было установлено, что костные останки человека, обнаруженные при археологических раскопках 2002 года на месте захоронения Преподобного Германа, кроме одного, относятся к одному скелету мужчины европеоидной расы, выше среднего роста, умершего в возрасте старше шестидесяти лет. Сравнения костных останков с мощами Преподобного Германа, возвращенными Соловецкому монастырю в 1992 году из Государственного музея истории, религии и атеизма, показали полное совпадение по разломам 4-х крупных фрагментов. «Расколотые куски черепа, разломанный фрагмент челюсти с зубом, прочие мелкие фрагменты искореженных и сброшенных в яму костей святого Германа не оставляют никаких сомнений в том, что над его останками был совершен акт надругательства. «Антирелигиозная пропаганда» большевиков свелась к глумлению над прахом исторического деятеля Русской Православной Церкви и Русской земли»⁸⁴. Тяжко было видеть оставшейся братии поругание святынь.

Отец Иринарх

Тем не менее в 1926 – 1927 годах было некоторое потепление в отношении администрации лагеря к монашеской общине и ссыльному духовенству. В газете «Новые Соловки» появились две доброжелательные корреспонденции о соловецких монахах, которые заслуживают внимания и современного читателя. Первая публикация – «В гостях у Иринарха»⁸⁵ – представляет нам монаха Иринарха – «колоритнейшую фигуру старых Соловков, сохранившуюся до новой жизни, до нового лагерного соловецкого быта.

Нет, вы все-таки познакомьтесь с отцом Иринархом. Самое лучшее, утром, когда уже разви-

лась работа на постройке бучильного⁸⁶ корпуса, когда все тридцать человек Иринархова штата уже стоят на своих местах, – пойдете на постройку. Там вовсю стучат топоры, хорошо пахнет стружками, визжат пилы и скрипит, как немазаная ось, сам неугомонный, вертлявый, как кошка, Иринарх.

Заметьте, кстати, что этой «кошке» в монашеском бушлате – 58 лет и что он уже около 40 лет живет на острове.

Вы найдете его сразу. Маленький, какой-то неровный. Коричневое личико. Носик сливой. Подойдите с каким-нибудь разговором и не смущайтесь, если он сразу прикрикнет на вас: так полагается, потому что он кричит даже на самого начальника управления, а с учеными инженерами и прочим «экочевым»⁸⁷ начальством не всегда даже согласен разговаривать.

Если вы сумели внушить ему какое-нибудь доверие, то он проводит вас на свою постройку. В то же время он ни одной минуты даром не потеряет. По дороге он при вас будет раздавать поручения своему «народу». Заметит неладно пригнанную половицу – будет четверть часа прыгать по ней, прижимать, а потом заскребет в затылке и скажет:

– Мать Богородица! А виноват-то кто? Я виноват, сам виноват...

Объяснять вам на постройке он, пожалуй, ничего не станет. Смотри, мол, и будет с тебя. Да к тому же – сам должен понимать. Третий этаж – светлый и чистый. Внизу – мрачней. Взял Иринарх свой подряд с 15 марта. А за месяц, где раньше стояли голые недогоревшие стены и куча мусора, теперь вырос целый корпус.

Зашел на постройку начальник ЭКЧ. Разговор на этот раз происходит мирный. Ведь все «материалы» подрядчик ухитрился вытянуть из ЭКЧ. Оттого лицо у строителя довольное. Вынул из зубов складной аршин – похвалился: с Божьим благополучием управимся:

– К Пасхе, что ль?

– К Пасхе, к Пасхе! А ты мне вовремя сдал-то? Когда б я сам у вас не вытащил все, что полагалось, – и до Покрова голые бы стены стояли!

В ЭКЧ говорят про Иринарха:

– И все это он одно стучит: давай да давай материал!

Даже анекдот рассказывают про него. О том, как подал Иринарх рапорт начальнику управления. Давай, мол, бревна тридцатиаршинные⁸⁸.

Начальник резолюцию чиркнул:

– Выдать.

А Иринарх по коридорам управленческим забегал, направо и налево хвастался:

– А я, брат, начальника разыграл!

– Да как разыграл-то?

– Да так! Резолюцию-то он отхватил, а бревен тридцатиаршинных и на свете не бывает...

Что-то говорил мне Иринарх по пути. Потом увидел, как ребята тянут балан «не по форме». Сорвался с места, бросил меня, сам в балан впрягся.

В зубах аршин.

На плечах – 58 лет.

И видно, что Иринархова жизнь не была лишней».

Дополним этот литературный портрет сведениями из послужного списка 1915 года. «В миру монаха Иринарха звали Иван Семенович Мишнев. Родился он в 1873 году в крестьянской семье Вологодской губернии. С 1895 года он проживал в монастыре и 7 апреля 1907 года был пострижен в монашество. В 1909–1915 годах он проходил плотницкое послушание в качестве нарядчика и руководил работами по очистке старых и прорытию новых соединительных каналов между внутренними озерами Соловецкого острова и Святым озером при монастыре. Архимандрит Иоанникий характеризовал его следующим образом: «Отличных качеств: сильной воли, твердого характера, несокрушимой энергии, до самоотвержения предан своему делу»⁸⁹. Имя монаха Иринарха упоминается в списке 1929 года. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Монах Ардалион

Персонаж второй публикации – «Болотный попик»⁹⁰ – монах Ардалион ни в монастырских, ни в лагерных списках не упоминается. Возможно, в автор – Сергей Акарский – пожелал скрыть настоящее имя своего героя (в этом случае прототип можно искать среди монахов из олонечских крестьян: монах Авенир или монах Дометий) или он был пострижен после 1920 года и покинул Соловецкий остров до 1929 года.

«Я встретил его на морошковой роще. В руках кузовок, через плечо торбочка. Из-под черного ведерка клобука стекает саврасая кудель свалявшихся в войлок волос. Он медленно, осторожно переступал с кочки на кочку, пощупывая бурую почву такой же корявой, суковатой, как он сам, палкой. ...отец Ардалион... На Соловках отец Ардалион не больно давно: с Преображения двадцать пятый годок пошел. С кочки на кочку, от куста к кусту лезем мы по бурой россыпи с отцом Ардалионом, и между кустами морошки и среди папоротникового листа, из-под черного клобука струится тихий ручей несложной наивной повести. Двадцать четыре бусины, двадцать четыре жемчу-

жины неслышной поступи соловецких лет. Отец Ардалион на Соловки трудником по обещанию на годик пошел. Сам олонецким был. Так и говорит «был».

– А теперь-то?

– Теперь – видишь! – И на лес рукой кажет.

– Ну, а как год прошел?

– А как год прошел – думаю: что дома-то? Братья и без меня управятся. А тут письмо пришло. Отец помер. Братья делиться зовут. Делиться – судиться...

Молчит лес. Молчит Ардалион. Молчат каменные жертвенники на мореной гряде.

– Ну, а как же монахом-то стал?

– А так же. Не поехал. Братьям бумагу отписал.

– И не скучно?

– Как это скучно?

Пятнадцатый век слился с двадцатым. Морошковая ягода в берестяном кузовке, окуневый клевет на Гремячих озерах, ...над озерами дымки из земляных потаенных отшельничьих келий. Бытие неподвижно».

Кроме того, что разрешались такие лирические публичные высказывания в адрес монахов, разрешалось в некоторой степени и общение с ними. Заключенный В. Казачков вспоминал: «В мое время (1925–1928 гг.) в лагере работали шестьдесят четыре вольнонаемных соловецких монаха. Некоторых я знал. Отец Агапит – уставщик, который следил за службой в церкви, отец Самсон (монах Сампсон) – крупный специалист кузнечного дела; отец Авенир ведал системой каналов между озерами; отец Мельхиседек – специалист по портновской части, он шил мне пальто перед высылкой в Сибирь»⁹¹.

Пасха 1926 года и «Собор Соловецких епископов»

Некоторым заключенным время от времени разрешалось посещение монастырских богослужений. По воспоминаниям, опубликованным И. Резниковой, перед праздниками Рождества Христова и Пасхи у большинства заключенных только одна мысль, как бы побывать в храме, как бы причаститься Святых Таин, как бы хоть раз услышать: «Христос Воскресе!..» – «Но тут-то начинаются репрессии не прямые, а косвенные: или объявляется всеобщая проверка с запрещением на сутки выхода из своей роты, или санобработка, то есть баня с дезинфекцией одежды, что заставляет заключенных часами сидеть или в бане или в ожидании своих взятых на дезинфекцию вещей. Несмотря на все это заключенные умудряются попасть в церковь»⁹².

В 1926 году «на утрени Великой Пятницы Две-

надцать Евангелий читают одиннадцать епископов, не потому, что нет двенадцатого, а потому, что одно Евангелие читает соловецкий игумен. Церковь полна народа, но стоять удобно, так как монахи строго следят за порядком, и никто никуда не двигается, а знает свое место. Случайно пришедшие стоят у дверей. Все застыли, углубившись в молитву и наслаждаясь прекрасными словами, несущимися из храма. И вдруг, нарушая порядок, сквозь сплошную массу богомольцев по направлению к алтарю, усердно работая локтями и плечами, пробираются три молодых «шпаненка» – худые, бледные, оборванные. Монахи их пропускают, и, к недоумению всех молящихся, они восходят на амвон, кланяются правящему епископу и дрожащими голосами начинают петь «Разбойника Благоразумного». В первый раз очень тихо и робко, потом смелей и громче, и, наконец, в третий полной грудью, с большим чувством, прекрасно. Все богомольцы плачут, даже у сдержанных соловецких монахов на глазах появляются слезы. Как выяснилось потом, они приходили к Правящему с просьбой разрешить им пропеть «Разбойника» и выхлопотать для них разрешение прийти в церковь. Владыка заставил их пропеть и умудрился достать пропуск. Что было в их душе во время пения «Разбойника», где и когда они раньше пели, почему попали на такой страшный путь, чувствовали ли себя хоть в эту минуту разбойниками благоразумными, знает один Серцеведец.

Утренняя Великой Субботы началась в три часа утра. По окончании ее три епископа совершили таинство Елеосвящения, желающие соборовались, но далеко не все – многим пора было идти на работу. Литургия началась в одиннадцать часов, и к ней уже приходил тот, кто смог урвать несколько минут из своего рабочего дня. В двенадцать часов все пропуска по лагерю были объявлены недействительными... Те, кому посчастливилось получить пропуск, задолго до начала полунощницы пришли в церковь. Духовенство читает Деяния Апостольские. Каждому епископу и священнику хочется хоть несколько стихов прочитать, и особенно звучит это чтение. В крестный ход выходят шесть епископов и множество духовенства. Сразу по выходе из церкви неприятно поражает, что кругом расставлена охрана из конвойных... В стороне стоит несколько человек из главного лагерного начальства. Конвойные стоят небрежно и курят. Вдруг слышится грозный голос из группы начальства: «Конвойные? Вы что, поставлены стеречь заключенных или курить?», – конвойные бросают папиросы и подтягиваются.

А что было потом в храме – Светлое Христово

Воскресение, Пасха, Господня Пасха. Во время чтения Евангелия ярко светило северное солнце»⁹³.

В воспоминаниях В.А. Казачкова об этой же Пасхе 1926 года говорится: «Незадолго до нее новый начальник Управления потребовал, чтобы все, кто хочет ходить в церковь, подали ему заявления. Почти никто из заключенных не подавал заявлений – боялись последствий. Но вот перед Пасхой огромное количество людей подали заявления. Мы все собрались к заутрени – о. Владимир Лозина-Лозинский, о. Иоанн Стеблин-Каменский, о. Михаил Яворский, Антоний Тьевар, Авенир Вадпольский и я. По дороге к кладбищенской Онуфриевской церкви двигалась огромная процессия, люди шли в несколько рядов. В церкви все, конечно, не поместились. Стояли вокруг, а тем, кто пришел позднее, не было слышно пения. Но мы пришли одними из первых. Рядом со мною стоял мой очень близкий друг – о. Владимир Лозина-Лозинский, он был замечательным человеком, всегда очень спокойным, дружелюбным, веселым, высокоорганизованным.

Службу Пасхальную вели епископы, и среди них старший – архиепископ Евгений (Зернов), еще помню епископа Мануила (Лемешевского), он как-то объединял всех петербургских священников, они вместе держались, епископа Белевского Игнатия, совсем уже пожилой был»⁹⁴.

3 мая, в понедельник Светлой седмицы, иеродиакон Зосима был рукоположен в сан иеромонаха. О нем известны только сведения из списка 1929 года: ему было тогда 49 лет, в монастыре он проживал с 1906 года, в 1920 году пострижен еще не был.

В мае 1926 года на Соловках находилось около 30 представителей высшей иерархии Русской Православной церкви, 17 из них составили так называемый «Собор соловецких епископов», во главе с архиепископами Иларионом (Троицким), Евгением (Зерновым), Пахомием (Кедровым), Иувеналием (Масловским).

В первом и наиболее известном из своих посланий Собор обратился к правительству с просьбой о легализации церковного управления без вмешательства во внутренние дела церкви. Указал на факты гонения на церковь, на необходимость полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении церкви от государства, на несовместимость сыска и политического доноса с достоинством пастыря. Это послание, известное также как «Памятная записка Соловецких епископов, предоставленная на рассмотрение правительства», было принято в день отдания Пасхи 27 мая/7 июня 1926 года.

Епископы собрались для обсуждения послания на продуктовом складе, который полностью обс-

луживался духовенством как «единственно честным элементом» в лагере. В это время сам начальник управления Эйхманс устроил внеочередной обход лагеря. Застав в складском помещении большую группу духовенства, «он удивился: «Что это за собрание?..» – «У нас сегодня праздник», – ответил смущенно о. Питирим»⁹⁵ (заведующий складом). Почему-то Эйхманс удовлетворился этим объяснением.

Пасха 1927 года

Этот же Эйхманс пошел навстречу просьбам владыки Илариона (Троицкого) и на Пасху 1927 года дал разрешение всем желающим заключенным посетить богослужение в кладбищенской церкви. Он также разрешил позаимствовать на Пасхальную ночь древние хоругви, кресты и чаши из лагерного музея.

Об этой единственной общелагерной соловецкой Пасхе известно по описанию Бориса Ширяева. «Попасть в саму церковь удалось немногим. Она не смогла вместить даже духовенство... Все кладбище было покрыто людьми... Тишина... Грозным велением облеченного неземной силой Иерарха... прогремело зачатие-возглас владыки Илариона: «Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!» ... Из широко распахнутых врат ветхой церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход. Семнадцать епископов в облачениях, окруженные светильниками и факелами, более двухсот иереев и столько же монахов, а далее нескончаемые волны тех, чьи сердца и помыслы неслись к Христу Спасителю в эту дивную, незабываемую ночь... С победным ликующим пением о погранной побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно... Пели все. Ликующий хор «сущих во гробех» славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла Воскресение...»⁹⁶. За все время существования СЛОНа эта Пасхальная служба была единственной, которую могли посетить многие заключенные.

В день Преображения Господня 19 августа 1927 года был рукоположен во иеродиакона монах Антоний. Он упоминается в списке 1929 года, известен только год его рождения – 1887, и год поступления в Соловецкий монастырь – 1914.

На следующий день был совершен последний известный по списку 1929 года постриг монаха Савватия.

«Никакого раскола!»

Осенью 1927 года началось новое нестроение в церковной жизни, связанное с публикацией декларации митрополита Сергия. Архиепископ Иларион собрал в «келью архимандрита Феофана полтора десятка епископов, некоторые из которых стали соблазняться происходящим на воле смятением, и убедил святителей ни при каких условиях не идти на раскол: «Никакого раскола! – сказал он. – Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!»⁹⁷

В 1928 году, когда все же не удалось избежать раскола епископата на Соловках, соловецкие монахи во главе с архимандритом Феофаном оставались в административном подчинении заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию, поэтому принадлежавшие к движению «непоминающих» не стремились служить в единственной «сергианской» Онуфриевской церкви, а предпочитали совершать богослужения в лесу.

7 января 1928 года в день празднования Рождества Христова настоятель Соловецкой монашеской общины игумен Феофан был возведен в сан архимандрита. Кто из архиереев – архиепископ Иларион (Троицкий) или архиепископ Прокопий (Титов) – совершал таинство, так же, как и рукоположение иеромонаха Геласия в день Благовещения, достоверно неизвестно. Известно, что еще до Пасхи владыку Илариона переместили на Филимоновскую тоню, поэтому Пасхальное богослужение 1928 года в церкви преподобного Онуфрия Великого возглавил архиепископ Петр (Зверев). Ему сослужили двенадцать иерархов.

М. Никонов-Сморodin вспоминает: «Запас риз в ризнице церкви был небольшой, и пришлось монахам несколько риз сшить из мешков. Незабываемая была служба. Трудно о ней и рассказать обычными людскими словами. В церкви небольшая кучка монахов, два-три заключенных в серых бушлатах. Крестный ход вокруг церкви без колокольного звона и соловецкое особое пение на древний образец вызывали у всех слезы. Еще бы, пятисотлетние традиции. И заметьте, – иерархи отправляют службу так же – именно на этот старинный лад. Помните поговорку – со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Это, оказывается, не пустые слова. И вот от этого особого лада соловецкая служба получается особенная, проникновенная... С клироса глазами пронзительными и невидящими одновременно озирает стоящих в храме иеромонах⁹⁸. Лицо его под надвинутым на брови клобуком – как на древних новгородских иконах: изможденное, вдохновенное суровой верой. Он истово следил, чтобы чин службы пра-

вили по монастырскому уставу, и не разрешал регенту отклониться от пения по крюкам. Знаменитые столичные дьяконы не решались при нем петь молитвы на концертный лад... Все мы в церкви воспринимали ее как прибежище, осажденное врагами. Они вот-вот ворвутся, ... как семь веков назад ворвались татары в Успенский собор во Владимире»⁹⁹.

По воспоминаниям архимандрита Феодосия (Алмазова), бывшего в заключении в Соловецком лагере в 1927–1929 годах, во время Великого поста 1928 года желающих побывать на богослужении водили в церковь под конвоем, а на Пасху удалось получить разрешение на выход за крепостные стены только с большим скандалом.

Вскоре ссыльному духовенству запретили служить под предлогом борьбы с сыпно-тифозной эпидемией. Все духовные лица были острижены и переодеты в гражданскую одежду. Тем не менее на праздник Покрова Пресвятой Богородицы был рукоположен в диаконы монах Иларион. Рукоположение совершил либо архиепископ Иларион (Троицкий), либо архиепископ Петр (Зверев), считавшийся в то время правящим архиепископом Соловецким¹⁰⁰, так как в этот день оба они, по-видимому, присутствовали за богослужением.

Архимандрит Феодосий (Алмазов) писал о том, что в праздник Покрова как особо чтимый в Московской духовной академии, ректором которой был архиепископ Иларион, они имели утешение собраться в каптерке у счетовода первого отделения (Кремля) – владыки Петра. Там были «речи, яства, чай – уютно, назидательно и сытно»¹⁰¹.

Эта радость общения о Господе дана была как укрепление перед грядущими испытаниями. Через неделю архиепископ Петр был отправлен на остров Анзер на Троицкую штрафную командировку. Там, на Анзерской Голгофе, он завершил свой земной путь 7 февраля 1929 года. 28 декабря этого же года в Ленинградской тюремной больнице отошел ко Господу архиепископ Иларион.

Дело епископа Аркадия и последние монахи из Соловецкого братства

В 1929 году на Пасху в церкви были только соловецкие монахи и высшее духовенство, доступ в церковь заключенным был строжайше запрещен.

30 июля 1929 года к 500-летию прихода на Соловецкие острова Преподобных Савватия и Германа иеромонахом Мартином был составлен последний известный список братии, в котором перечислены имена 58 насельников. В 1929 году иеромонахи Агапит, Алексей и Наум были возве-

дены в игуменский сан, иеродиакон Сосфен, Вонифатий и Феодорит были рукоположены в иеромонахи, а иеродиакон Филипп – в архидиакона. Точные даты посвящений не указаны, возможно потому, что, когда составлялся список, еще только было принято решение о наградах и рукоположениях. Все понимали, что неотвратимо приближается конец существования монашеской общины на Соловках.

Ю. Бродский пишет: «В 1930 году, когда из заключенных было подготовлено уже достаточное количество специалистов, необходимых для поддержания Соловецкого хозяйства, монахов лишили пристанища в Кремле, а в 1931 году конфисковали, наконец, и кладбищенскую церковь»¹⁰².

Некоторые упоминания о жизни монахов в 1930–1931 годах сохранились во внутрелагерном деле епископа Аркадия (Остальского)¹⁰³. Дело было возбуждено по доносу осведомителя ГПУ «епископа» раскольнической автокефальной украинской церкви Стефана Андреевича Орлика. Он сообщил, что накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 1930 года ему стало известно, что «в часовне около пристани, где проживают вольные монахи, состоится богослужение в последний раз, так как монахов отправляют на материк. Утром 21 в 5-6 часов я зашел в часовенку. Там на втором этаже шло богослужение, которое совершал епископ Аркадий Остальский совместно со священником Савченко и вольным монахом... Богослужение ничем от обычного не отличалось, за исключением «слова утешения», произнесенного Остальским в конце литургии. Обратившись к присутствующим (было человек 15-20), Остальский указал на гонения христиан в первые века, когда верующие прятались в катакомбы, сравнил первые века христианства с нынешним временем и указал, что хотя молиться собираемся на чердаках, но унынию предаваться не следует, а каяться, молиться и просить у Всевышнего прощения личных наших грехов, и Богородица умолит Сына Своего ниспослать на наш народ страждущий и на страждущих насельников исторической святыни Соловецкой благодатную милость Свою, избавляющую от тяготы жизни настоящей, а если вера наша будет крепка, то грядут и лучшие дни и будем радоваться во Имя Господне»¹⁰⁴.

Епископ Аркадий был арестован во время всеобщего бдения на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 6 апреля 1931 года. Он пришел на богослужение с лагерной командировки, расположенной за 14 километров от монастыря в Савватиевском скиту «по увольнительной № 16»¹⁰⁵.

На допросе владыка, конечно, отрицал, что пришел в часовню ради богослужения: «На служ-

бу к вольным монахам на Благовещение я попал ненамеренно, а приходил к ушному врачу, но потом задержался – и к монахам зашел, чтобы достать у них что-либо съестное, так как я молочной пищи не ем, поэтому иногда необходимые продукты достаю через них; потом я туда заходил иногда, чтобы исповедоваться...»¹⁰⁶

Приведем также показания епископа Аркадия, касающиеся положения монашеской общины в 1931 году: «В посещении вольных монахов я не считаю себя виновным. В 1928 году, когда я прибыл в п.Кремль, мы, заключённое духовенство, не только имели полное общение с вольными монахами в храме, но и невозбранно ходили к ним на квартиры и даже дневалили в их квартире. Сам я в продолжение некоторого времени дневалил в их помещении. Большую часть 1929-го и 30-го годов я провёл на о.Анзере и, когда после длинного перерыва пришёл в п. Кремль, то узнал, что пять монахов живут в часовне и подле них нет даже дневального; отсюда я понял, что вход к ним не возбранён, тем более что никто и никогда не объявлял мне запрет на встречу с вольными монахами. К тому же мне было известно, что они работают вместе с заключёнными и потому находятся в непрерывном с ними общении»¹⁰⁷.

Описание богослужения 6 апреля 1931 года известно со слов оперуполномоченного, пришедшего арестовать владыку: «В верхнем помещении часовни происходило богослужение, на котором присутствовало 15 человек, в том числе 8 человек заключенных. Совершал богослужение вольный монах Мошников Ювеналий в полном облачении священника, помогал ему заключенный Травин Константин Павлович, одетый в монашескую мантию, и в то же был одет и заключенный Остальский Аркадий Осипович. Остальные заключенные стояли в своих одеждах... Заключенный Остальский мной задержан... Богослужение мной не прерывалось и продолжалось после моего ухода»¹⁰⁸. К этому донесению прилагался «Список вольных монахов, присутствовавших 6 апреля 1931 г. на богослужении в помещении часовни, ими занимаемой:

Кордин Сергей Ильич
Губкин Семен Андреевич
Селезнев Семен Климович
Рыболовлев Ионикий Федорович
Колотов Платон
Варакин Феодорит Павлович
Иеромонах Ювеналий»¹⁰⁹.

Удалось найти данные обо всех участниках этого богослужения и, сопоставляя данные разных списков лагерного времени, установить соответствие между монашескими и мирскими именами тех, кто был пострижен после 1915 года. Первая фамилия

была записана ошибочно. Следует читать: Коркин Сергей Ильич. Это было мирское имя иеромонаха Симона. В 1915 году монах Симон был помощником заведующего электростанцией, поэтому он считался ценным работником в совхозе, а затем в лагере. Его имя есть в списке работников совхоза 1922 года.

Вторым в списке значится мирское имя монаха Самуила. Родом он был из вологодских крестьян, провел на Соловках больше 30 лет своей жизни, из них 20 – в монашеском чине. Был хорошим столяром. «Кроток, смирен, послушлив и трудолюбив», – отзывался о нем архимандрит Иоанникий.

Третьим в списке стоит имя Селезнев Семен Климович. Под договором 1921 года он подписался как Сосфен Селезнев. Таким образом, становится понятно, что иеромонах Сосфен, рукоположенный в 1929 году, в миру назывался Семен Климович, родился он в 1875 году, проживал в монастыре с 1904 года, в списке 1920 года он уже упоминался как монах.

У четвертого участника богослужения монашеское имя соединено с фамилией и отчеством. Отсюда, сопоставляя списки 1920 и 1929 годов, можно установить, что послушник Василий Федорович Рыболовлев, упоминаемый в списке 1920 года, родился в 1876 году, проживал в монастыре с 1906 года, был рукоположен в сан иеродиакона 1 января 1925 года. В совхозе он заведовал салотопенным заводом. Его имя присутствует в списках 1921 и 1922 годов и упоминается в актах о сокрытии имущества 1923 года.

Пятым записан монах Платон. Его полное имя в миру Колотов Павел Никитич. Родился он в 1863 году в крестьянской семье в Вологодской губернии. Проживал в монастыре с 1888 года. 14 марта 1899 года был пострижен в монашество. Согласно послужным спискам 1909–1915 годов он проходил послушание нарядчика по разным монастырским работам и заведовал лесопильным заводом. Судя по характеристикам архимандрита Иоанникия: «Очень хороших качеств и способностей, заботлив и старателен в своем деле» (1909 г.) и «Очень хороших способностей, терпеливый, старательный труженик» (1915 г.). Отец Платон был хорошим организатором работ, поэтому и был оставлен на Соловках до 1931 года.

Следующим записан Варакин Феодорит Павлович. Из сопоставления списков 1920 и 1929 годов следует, что послушник Феодор Варакин, упоминаемый в списке 1920 года, родился в 1880 году, проживал в монастыре с 1905 года. Его имя присутствует в списках 1921 и 1922 годов, он был рукоположен в сан иеромонаха в 1929 году. О времени его пострига с именем Феодорит ничего неизвестно.

Сан вместе с именем указан только у служившего в тот день «иеромонаха Ювеналия» (Иувеналия). Его имя в миру было Иоаким Никитич Мошников. Родился он в 1877 году в крестьянской семье Архангельской губернии. Проживал в монастыре с 1900 года, окончил 4 класса Соловецкого братского училища. 19 февраля 1911 года послушник Иоаким был пострижен в монашество с именем Иувеналий. 15 июля 1911 года он был рукоположен в сан иеродиакона. Согласно послужному списку 1915 года он усердно исполнял чреду богослужения. По характеру был «кроток, смирен, послушлив и трудолюбив». Его имя упоминается в списках 1920, 1921 и 1922 годов. 19 декабря 1924 года о. Иувеналий был рукоположен в сан иеромонаха.

Таков был состав Соловецкой монашеской общины в апреле 1931 года. Дальнейшие судьбы этих последних членов Соловецкого братства пока неизвестны. По воспоминаниям В. Кичкаса, «18 июня 1931 года покинул Соловки последний свободный Соловецкий монах»¹¹⁰.

В изгнании

Сведения о судьбах братии, высланной из Соловецкой обители, сохранились в основном в архивах МВД и ФСБ среди дел, касающихся людей, пострадавших за веру.

Часть братии осталась на жительство в г. Кеми. По воспоминаниям жителей, там были целые улицы, где жили монахи. На настоящий момент есть сведения о мученической кончине монаха Дометия и послушников Афанасия Усцова и Алексея Углова. Они были арестованы в январе 1938 года в Кемии как «участники контрреволюционной монашеской организации», которые принимали «участие в обсуждении вопросов контрреволюционной практики». 1 февраля 1938 года все трое были осуждены по статье 58-10-11 и 25 февраля расстреляны в окрестностях Петрозаводска.

Некоторые из братии, после того как покинули Соловки, служили в церквях Архангельска или Архангельской области. Упомянутый в списке 1929 года игумен Агапит стал настоятелем церкви на Кегострове¹¹¹, где тайно совершали богослужения ссыльные епископы Игнатий (Садковский) и Парфений (Брянских)¹¹². 10 октября 1933 г. он был возведен в сан архимандрита. 14 марта 1938 г. архимандрит Агапит был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» как активный участник «контрреволюционной группировки духовенства». 4 июля 1938 года по приговору Архангельского областного суда он был заключен в ИТЛ

на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Иеромонах Елисей служил в Воскресенской церкви Архангельска в 1925–1928 годах. Удалось отыскать некоторые материалы к его жизнеописанию. Имя иеромонаха Елисея упоминается в базе ПСТГУ дважды, так как два заявителя – Марк Иванович Стрелков и Николай Андреевич Андрущенко – независимо подали материалы о нем как о двух разных людях, поскольку они располагали данными о разных периодах его жизни. М. И. Стрелков, который также представлял материалы об архимандрите Вениамине и иеромонахе Никифоре, указал, что в 1928 году отец Елисей ездил их отпевать. Затем М.И.Стрелков упоминает два ареста: первый – в 1937 году, после которого отец Елисей находился в заключении на строительстве Беломорско-Балтийского канала¹¹³, и второй – в августе 1940 года, за которым последовало 15 лет заключения. Информация, представленная Н. А. Андрущенко, почерпнута из дела 1940–1941 годов¹¹⁴. Сверяясь с послужным списком монашествующих Соловецкого монастыря за 1915 год, можно представить жизненный путь иеромонаха Елисея следующим образом. Мирское имя его было Петр Семенович Дзюбик (в послужных списках монастыря до 1915 года было Дзюбин, в собственноручной подписи под договором 1921 года Дзюбик). Родился он в крестьянской семье в селе Гнездичи Кременецкого уезда Волынской губернии в 1879 году. С 1902 по 1906 год Петр служил в царской армии рядовым. В послужном списке указано: «отставной ефрейтор». С 1909 года Петр трудился в Соловецком монастыре. 22 ноября 1912 года по указу Московской Святейшего Правительствующего Синода Конторы за № 3534 Петр Дзюбин вместе с 22 послушниками, в числе которых был и Николай Кучин (будущий иеромонах Никифор), были определены в число монашествующих Соловецкого монастыря. Все они были пострижены архимандритом Иоанникием в монашество 24 февраля 1913 года, в день первого и второго обретения главы Иоанна Предтечи.

В 1915 году монах Елисей проходил сапожное послушание в качестве старосты. Отзыв настоятеля о нем благоприятный: «Очень хороших качеств, предан своему делу, которое ведет исправно». В списке 1920 года он значится монахом. После ликвидации монастыря с 1924 года проживал в Архангельске и трудился при Воскресенской церкви. В 1925 году отец Елисей был рукоположен во иеромонаха. Он был одним из помощников иеромонаха Петра (Федосихина). До 1928 года служил в Воскресенской церкви священником, затем ушел, поскольку церковь перешла к обновленцам.

24 апреля 1930 года он был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» как активный участник «контрреволюционной группировки церковников». В своей квартире он совершал тайные богослужения. 1 июля 1930 года по постановлению тройки ПП ОГПУ по Северному краю иеромонах Елисей был осужден по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР и приговорен к 5 годам заключения в Соловецком концлагере.

Освободили его досрочно 10 февраля 1933 года. После освобождения он вернулся в Архангельск, где проживал по адресу: Петроградский проспект, д. 46, флигель 1. Занимался на дому починкой обуви для частных лиц. 4 сентября 1940 года иеромонах Елисей был вторично арестован как «участник контрреволюционной церковной организации». При аресте у него были изъяты частицы мощей и церковная утварь. Он был осужден 4 апреля 1941 года Особым Совещанием при НКВД СССР по статье 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР на 8 лет ИТЛ.

Обвинялся он в том, что «являлся участником контрреволюционной церковной нелегальной организации, в которую был завербован схиеромонахом Федосихиным, по заданию Федосихина организовал тайную катакомбную церковь. В этой церкви Дзюбик проводил нелегальные пострижения верующих в тайное монашество. Дзюбик является одним из руководителей нелегальных антисоветских граждан в г. Архангельске».

По этому же групповому делу схиепископа Петра (Федосихина) и в тот же день был осужден на 5 лет и Марк Иванович Стрелков. По его сведениям, срок заключения отца Елисея был продлен до 15 лет, и он был освобожден только в 1954 году. Затем он вернулся на родину, где и скончался 8 февраля 1961 года. По делу 1941 года отец Елисей был реабилитирован 19 апреля 1989 года. В 2008 году в церковно-археологический кабинет (ЦАК) Соловецкого монастыря была передана фотография отца Елисея с надписью на обороте: «Соловецкий иеромонах о. Елисей умер 8 февраля 1962 года, много лет был в ссылке». К сожалению, история этой фотографии пока неизвестна.

Зато удалось найти сведения о судьбе Марка Ивановича Стрелкова, который оказался связующим звеном между насельниками дореволюционных Соловков и братией возрождающегося монастыря. Он родился в 1899 году в крестьянской семье в деревне Козлы на восточном берегу Двинской губы (Приморский район). По-видимому, Марк Иванович бывал в Соловецком монастыре, возможно, как трудник, во всяком случае сам он считал себя соловецким послушником.

В 1919–1920 годах он служил в Белой армии. Затем до ареста 27 октября 1940 года работал рыбаком в Беломорском рыбколхозе. Он лично знал иеромонаха Елисея, так как в деле 1940–1941 годов, по которому он вместе с последним был осужден в 1941 году на 5 лет, говорится: «Привлечен в организацию иеромонахом Дзюбиком, среди местного населения систематически проводил антисоветскую агитацию, направленную против проводимых Совластью мероприятий в деревне. При закрытии церкви в деревне Козлы выступал активно не отдавать церковь».

Марк Иванович отбывал наказание в Волжском ИТЛ Ярославской области. После освобождения 28 октября 1945 года он проживал в Архангельске. 11 мая 1950 года он был вновь арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и 19 июля выслан на поселение в Новосибирскую область. Так же как и иеромонах Елисей, М.И.Стрелков был реабилитирован 19 апреля 1989 года. В конце 80-х годов Марк Иванович был прихожанином кладбищенского храма Илии Пророка в Архангельске, где тогда служил нынешний духовник Соловецкой обители игумен Герман.

Отец Герман вспоминает, что Марк Иванович был очень молчаливым, любил богослужение. Он передал отцу Герману синодик, составленный 17 января 1929 года рабом Божиим Никифором из с. Козлы Архангельской губернии. Этот синодик в настоящее время хранится в ЦАКе Соловецкого монастыря. Он ценен тем, что в нем записаны для поминовения о здравии имена всей оставшейся в живых к 1929 году братии Соловецкого монастыря.

Список начинается с имени священноархимандрита Вениамина, а пятым среди иеромонахов записано имя Никифора. Затем имена эти зачеркнуты, дописано «ум.» (умер), и имена перенесены в список для поминовения о упокоении с припиской «убиенного». То есть составлявшему синодик еще не было известно об убийстве архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора, которое было совершено 9 месяцев назад. Также не было известно о возведении игумена Феофана, возглавлявшего оставшуюся на Соловках братию, в сан архимандрита 25 декабря 1927 года. Имя игумена Агапита, получившего этот сан в 1929 году, дописано позднее.

Внимательное изучение синодика показало, что он принадлежал брату Марка Ивановича Стрелкова – Никифору. После братии Соловецкой обители в списке «О здравии» записаны имена: «Родителей Иоанна, Марии; Братьев Марка /Стрелков/¹¹⁵...», далее имена еще трех братьев и четырех сестер. Позднее имена родителей были записаны в список

«О упокоении» другим почерком. Тем же почерком на предпоследней странице дописано имя схиепископа Петра, а на последней – имена иеромонахов Елисея и Иоанна. Остается пока неизвестным, каким образом благочестивая семья Стрелковых была связана с Соловецкой обителью.

В церкви Святого Николая неподалеку от Соловецкого подворья служил в 1926–1928 годах иеродиакон Гурий, который был арестован 22 февраля 1928 года по обвинению в «контрреволюционной агитации» и выслан в Сибирь на три года.

В Архангельской области служили и пострадали за веру: иеромонах Антонин, иеромонах Артемий, иеромонах Иоанн, иеромонах Марин, иеромонах Марк, иеромонах Маркелл, иеромонах Модест, иеромонах Тимофей, иеродиакон Потапий.

Иеромонах Селевкий был выслан с Соловецкого острова в 1923 году. Он вернулся на родину в г.Яранск Вятской губернии, где в 1923 – 1928 годах служил иеродьяконом. В 1928 году он был рукоположен в сан иеромонаха и служил в разных храмах Москвы и Московской области. В 1929 – 1930 годах иеромонах Селевкий служил в церкви Святого Николая Большой Крест в Москве. Проживал он на колокольне храма. Был арестован 28 декабря 1930 года. На допросе он показал, что придерживается иосифлянской церковной ориентации. 3 января 1931 года был осужден на три года высылки в Казахстан.

Иеромонах Вонифатий, высланный с Соловков в числе последних насельников монастыря в 1932 году, нес священническое служение в кладбищенской церкви г. Колпино Ленинградской области. В ноябре 1937 года он был арестован, а 14 декабря – расстрелян.

Иеродиакон Серафим также был выслан с Соловецкого острова после 1929 года и с 1931 года проживал в Ленинграде. 17 апреля 1932 года он был арестован и приговорен к трем годам концлагерей.

Таков на сегодня краткий Соловецкий мартиролог. Будем надеяться, что он послужит основанием для последующих исследований, которые, возможно, завершатся прославлением некоторых членов Соловецкой братии в лике новомучеников и исповедников Соловецких.

Автор сердечно благодарит всех, кто помогал в подборе материалов для этой публикации: **Антонину Сошину, Светлану Акулову, Александру Богданову, Инну Малахову, Ольгу Бочкарёву, Ольгу Никитину, Ольгу Увакину**, а также тех, кто принимал участие в редактировании рукописи: **Василия Матонина и Маргариту Лоевскую**.

Примечания

- 1 Осипенко М. Терский берег – северный горизонт Соловков. Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2010. Вып. 9. С. 174.
- 2 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Ед. хр. 911. 1915 г.
- 3 ЦГА РК. Ф. 205. Оп. 1. Д. 7/143. ЛЛ. 8-11. 1920. (Кемский продовольственный комитет). Петрозаводск.
- 4 Балан С.Б. Список монашествующей братии Соловецкого монастыря на юбилейный 500-й год (1429–1929) // Соловецкий сборник. Архангельск, 2005. Вып. 2. С. 182-183.
- 5 Критский Ю. М. Из «Обзора освоения и использования Соловецких островов с древнейших времен до наших дней» – Соловки в эпоху социализма (1917–1940 гг.) // Поморский летописец: Альманах. Вып.1. Архангельск, 2002. С. 156.
- 6 Согласно послужному списку 1915 года из 46 иеромонахов 31 прошли обучение в братском училище, причем 14 из них закончили 6-8 классов, а 17 – 2-4 класса.
- 7 РГАДА. Ф. 1183, оп. 1, ч. 49, ед. хр. 192, 1913 г.
- 8 Мануил (Лемешевский), митр. Соловецкий цветник // Духовный собеседник. 2000. №1. С. 86-87.
- 9 РГАДА. Ф. 1201, оп. 4, ед. хр. 900, 1909 г., № 40.
- 10 РГАДА. Ф. 1201, оп. 4, ед. хр. 901, 1910 г., л. 7.
- 11 Мануил (Лемешевский), митр. Соловецкий цветник // Духовный собеседник. 2000. №2. С. 72.
- 12 Мануил (Лемешевский), митр. Соловецкий цветник // Духовный собеседник. 2000. №1. С. 89-90.
- 13 Архангельская гостиница на южном берегу бухты Благополучия.
- 14 Новые Соловки. № 40, 3 октября 1926.
- 15 Новые Соловки. № 45, 3 ноября 1925.
- 16 Известия Архангельского губернского исполкома СОЛОВЕЦК и Губкома РСДРП. 28 апреля 1918.
- 17 Новые Соловки. № 45, 3 ноября 1925.
- 18 Известия Архангельского Губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов. № 63, 21 июня 1918.
- 19 Новые Соловки. № 42, 3 ноября 1926. По-видимому, название приведено неточно, возможно, имеется в виду Вегеракша – местечко вблизи г. Кемь.
- 20 Соловецкий православный календарь. М., 2003. С. 178-180.
- 21 Новые Соловки. № 40, 3 октября 1926.
- 22 Вестник Временного Правительства Северной области, № 180 (280), 16 августа 1919.
- 23 Боговой И. В. В Соловецком монастыре. // Известия Архгубревкома и Губкома РКП(б). 4 мая 1920. С. 2.
- 24 Там же.
- 25 ОДСПИ ГААО. Ф. 1, оп.1, ед. хр. 75, л. 81-81 об.
- 26 На 1 мая было 410 монашествующих и 202 трудника, всего – 612 человек. Следовательно, выехать согласились менее 50 человек.
- 27 Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920–1939. М., 2002. С. 39.
- 28 В тексте письма сохранены авторская пунктуация и орфография.
- 29 ГААО. Ф. 352, ед. хр. 168, л.7-8 об.
- 30 ОДСПИ ГААО. Ф. 5715, оп.1, ед. хр. 1, лл. 102,103.
- 31 Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома РКП. № 105, 3 июля 1920.
- 32 Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920–1939. М., 2002. С. 44.
- 33 ЦГА Респ. Карелия Ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4/76.
- 34 ГААО. Ф. 352, оп.1, ед. хр. 168, л. 35.
- 35 Соловецкий православный календарь. М., 2003. С. 180.
- 36 ГААО. Ф.352, оп. 1, ед. хр. 296, л. 42.
- 37 Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки. М., 2001. С. 12.
- 38 ГААО. Ф. 352, оп.1, ед. хр. 168, л. 35об.
- 39 За веру Христову. Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951). Биографический справочник. Архангельск: Православный издательский центр, 2006. С. 87. Далее цитируется: «За веру Христову».
- 40 Так указано в базе данных ПСТГУ.
- 41 ГААО. Ф. 286, оп. 1, ед. хр. 882, л.8.
- 42 Там же, л. 5.
- 43 Шубин А. Я. Закрытие, изъятие, сокрытие // Соловецкий сборник. Вып. 3. Архангельск, 2006. С.189. Далее цитируется: Шубин.
- 44 Шубин. С. 191.
- 45 Шубин. С. 191.
- 46 За веру Христову, С. 121.
- 47 ГААО. Ф. 1222, оп. 1, ед. хр. 4, л. 115-120 об. Копия предоставлена СГИАПМЗ, вспомогательный фонд № 2352.
- 48 Шубин. С. 190.
- 49 ГААО. Ф. 105, оп. 8, ед. хр. 222, лл. 52-53 об.
- 50 Там же. Л. 52.
- 51 Духовный собеседник. 2000. №2. С. 57.
- 52 Шубин. С. 191.
- 53 Духовный собеседник. 2000. №1. С. 90-93.
- 54 Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. М., 2001. С. 13.
- 55 Русская Православная Церковь. XX век. М., 2008. С. 148.
- 56 Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. М., 2001. С. 31.
- 57 ГААО. Ф. 105, оп. 3, ед. хр. 115, л. 115-116. Копия предоставлена СГИАПМЗ, вспомогательный фонд № 2144.
- 58 ГААО. Ф. 105, оп. 1, ед. хр. 85, л.146.
- 59 По-видимому, имеется в виду иеромонах Игнатий (Каликин).
- 60 ГААО. Ф. 352, оп. 1, ед. хр. 298, л. 1. Орфография сохранена.
- 61 Соловецкий сборник. Вып.3. Архангельск, 2005. С.182-183.
- 62 Братия стала называть о. Гурия «чудаком» после пересказа им своих видений.
- 63 Мануил (Лемешевский), митр. Соловецкий цветник // Духовный собеседник. 2000. №2. С. 70-75.
- 64 Шубин. С. 191.
- 65 ГААО. Ф. 105, оп. 2, ед. хр. 97, л. 17-17 об.
- 66 Там же. Л. 17об.
- 67 Послушник Афанасий Усцов.
- 68 Шубин. С. 199.
- 69 ГААО. Ф. 105, оп. 2, ед.хр. 97, лл. 1-386.

- ⁷⁰ Шубин. С. 197.
- ⁷¹ Александр Петрович Ногтев был назначен на должность начальника СЛОНа с момента организации лагеря летом 1923 г. до 10 июля 1924 г.
- ⁷² Новые Соловки. № 40, 3 октября 1926.
- ⁷³ Соловецкий православный календарь. Издание Соловецкого Спасо-Преображенского ставропигиального мужского монастыря. М., 1998. С. 18.
- ⁷⁴ Резникова И. Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 9.
- ⁷⁵ Духовный собеседник. 2000. №2. С. 49.
- ⁷⁶ Там же. С. 47.
- ⁷⁷ Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. М., 1997. С. 99. Архимандрит Феодосий был в заключении в Соловецком лагере в 1927–1929 гг.
- ⁷⁸ Резникова, С. 10.
- ⁷⁹ Вскрытие Соловецких мощей. //Новые Соловки. №39, 27 сентября 1925, С. 2.
- ⁸⁰ Иванов А. Соловецкие мощи. //Карело-Мурманский край. № 7. 1927.
- ⁸¹ Д. С. Лихачев. С. 206.
- ⁸² Карело-Мурманский край, № 7, 1927.
- ⁸³ Протокол осмотра костных останков, обнаруженных на месте захоронения преподобного Германа Соловецкого. 19 июня 2003 г.
- ⁸⁴ Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск – Москва, 2005. Вып. 4, с. 81.
- ⁸⁵ Новые Соловки. 1926. №18. С. 5.
- ⁸⁶ Прачечного.
- ⁸⁷ ЭКЧ – эксплуатационно-коммерческая часть.
- ⁸⁸ 1 аршин = 71,12 см.
- ⁸⁹ РГАДА. Ф. 1201, оп. 4, ед. хр. 911, 1915.
- ⁹⁰ Новые Соловки. 1926. №34. С. 4.
- ⁹¹ Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920–1939. М., 2002. С. 212.
- ⁹² Резникова. С. 47-49.
- ⁹³ Резникова. С. 48-49.
- ⁹⁴ Резникова. С. 46.
- ⁹⁵ Резникова. С. 51.
- ⁹⁶ Ширяев Б. Неугасимая лампада. М.: Сретенский монастырь, 1998. С. 411-414.
- ⁹⁷ Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 4. Тверь, 2005. С. 440.
- ⁹⁸ Иеромонах Мартин – уставщик.
- ⁹⁹ Никонов-Сморозин М. З. Красная каторга. София, 1938. С. 191-193.
- ¹⁰⁰ После освобождения с Соловков архиепископа Херсонского и Одесского Прокопия (Титова) «главой Соловецкого православного духовенства Соловецким епископатом был избран, после отказа архиепископа Илариона, преосвященный Петр». См.: Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. М., 1997. С. 93.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920-1939. М., 2002. С. 212.
- ¹⁰³ Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-15353.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 25-26.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 50.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 53б.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 136.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 50.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 51.
- ¹¹⁰ Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920-1939. М., 2002, с. 212.
- ¹¹¹ Остров на р. Сев. Двина, расположенный напротив центральной части Архангельска.
- ¹¹² За веру Христову. С. 195. Епископ Игнатий (Садковский) в 1923–1926 гг. был в ссылке на Соловках, т. е. был, по видимому, знаком с о. Агапитом. С. 399. Епископ Парфений (Брянских). В 1937 г. оба епископа были арестованы.
- ¹¹³ Этот факт вызывает сомнение, так как в деле 1941 года указан срок первого заключения 1930–1933 гг.
- ¹¹⁴ Архив УФСБ по Архангельской обл. Дело П-12580.
- ¹¹⁵ Фамилия в прямых скобках дописана другим почерком.

□

Марина Васильевна ОСИПЕНКО —

*родилась в 1963 г. в Москве,
в 1986 г. окончила Московский физико-технический институт,
в 1989 году аспирантуру.*

*Кандидат физико-математических наук,
до 2006 г. работала старшим научным сотрудником
в РНЦ «Курчатовский институт».*

*В настоящее время руководитель
паломнической службы Соловецкого монастыря,
член комиссии по канонизации Соловецкого монастыря,
автор книг «Кийский крест Патриарха Никона»,
книги паломника Соловецкой обители «Во отце океана моря»
и публикаций по истории обители
в журналах «Православный паломник», «Покров»,
альманахе «Соловецкое море».
В журнале «Север» публикуется впервые.*

